

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

1899.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВѢНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Выс. Остр., 9 лнн., № 12.

1900.

Древне-арамейскія надписи изъ Нираба (близъ Алеппо).

Заканчивающееся столѣтіе, благодаря цѣлому ряду драгоценныхъ археологическихъ находокъ, дало возможность документально ознакомиться почти со всѣми передовыми семитическими культурами древняго Востока. Мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ подлинныя памятники культуръ финикійско-ханаанской, ассиро-вавилонской и сабейской (южно-арабской). Недоставало лишь документальныхъ памятниковъ гораздо менѣе извѣстной вообще древне-арамейской культуры. За послѣднее десятилѣтіе и этотъ пробѣлъ въ нѣкоторой степени заполнился. Всѣмъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстно о замѣчательныхъ находкахъ, сдѣланныхъ лѣтъ 8—9 тому назадъ у Зенджирліи, курдской деревушки въ сѣверной Сиріи. Мы говоримъ о надписяхъ царей Панамму изъ Іа'ади (или Іа'удп?) и Баррехаба (или Баррехуба, какъ обыкновенно прозвоняють) изъ Сам'ала. Можно безъ преувеличенія сказать, что послѣ находки надписи Меша за послѣднее время не было сдѣлано болѣе важной находки по семитической археологій, чѣмъ эти надписи арамейскихъ царьковъ VIII (и IX-го?) вѣковъ до Р. Х. ¹⁾ Древнія сирійскія царства, о которыхъ приходилось до того читать лишь мимоходомъ въ ассирійскихъ лѣтописяхъ, заговорили здѣсь впервые сами и на своемъ собственномъ языкѣ. Такимъ образомъ явилась возможность сдѣлать первый твердый шагъ на весьма скользкой почвѣ древнѣйшей исторіи Сиріи.

Почти одновременно съ находкой зенджирлійскихъ надписей было сдѣлано (какъ только сравнительно недавно обнаружилось) въ сѣверной Сиріи

1) Надпись царя Панамму (на статуѣ Гадада) въ палеографическомъ отношеніи древнѣе надписей Баррехаба, принадлежащихъ ко второй половинѣ VIII вѣка.

другое, во всѣхъ отношеніяхъ не менѣе цѣнное, приобрѣтеніе въ той же самой отрасли семитической археологіи, съ которымъ мы и хотимъ здѣсь познакомить русскихъ читателей.

I.

16 ноября 1891 г. въ селеніи Нирабѣ (въ путешествіи Захау ¹⁾: Nirab Haleb, у арабскихъ географовъ *نیرب*), въ разстояніи 6 километровъ къ юго-востоку отъ Алеппо, были найдены двѣ крайне цѣнныхъ каменныхъ плиты съ рельефными изображеніями и арамейскими надписями, писанными архаическимъ финикійскимъ алфавитомъ. Тамъ же найдены были (но не одновременно) еще другія древности, — какъ-то: 1) массивный саркофагъ изъ того-же камня (базальта), въ которомъ оказалось два скелета (по другимъ даннымъ два черепа); 2) небольшая бронзовая группа, изображающая двѣ совершенно нагія фигуры мужскую и женскую, крайне грубой, можно сказать, первобытной работы, памятникъ совершенно иной, несомнѣнно гораздо болѣе древней культуры, чѣмъ саркофагъ и плиты; и наконецъ былъ найденъ 3) цилиндръ, обложенный золотомъ. Всѣ эти древности были отрыты случайно въ большомъ холмѣ, къ которому прилегаетъ съ двухъ сторонъ селеніе Нирабѣ, жителями этого селенія, приходившими брать землю изъ холма для своихъ построекъ. Вслѣдствіе этого всѣ находки разошлись по разнымъ рукамъ. Цилиндръ былъ проданъ въ Констанцинополь, причѣмъ золотыя украшенія были предварительно отдѣлены и проданы особо. Обѣ плиты, благодаря стараніямъ пзвѣстнаго французскаго археолога Клермонъ Ганно, были спасены къ величайшей радости археологовъ и попали въ руки французскаго правительства (теперь хранятся въ Луврѣ). Саркофагъ находится, повидному, еще на мѣстѣ въ Нирабѣ, а судьба бронзовой статуетки остается пока неизвѣстной. Всѣ эти данныя о находкахъ почерпнуты нами изъ статьи Клермонъ Ганно во II томѣ его *Études d'archéologie orientale*, куда и предлагаемъ обратиться за подробностями, хотя должны замѣтить, что исторія находки изложена весьма отрывочно. Многія интересныя подробности, повидному, умышленно скрыты французскимъ археологомъ изъ желанія сохранить въ тайнѣ исторію приобрѣтенія плитъ французскимъ правительствомъ. Самъ Клермонъ-Ганно объясняетъ, впрочемъ, свою сдержанность желаніемъ нѣкоторыхъ лицъ, которые принимали прямое участіе въ дѣлѣ, остаться въ неизвѣстности. Приходится поэтому пока удовлетвориться этими отрывочными свѣдѣніями.

1) E. Sachau, Reise in Syrien u. Mesopotamien, p. 111.

Названіе мѣстности Нирабъ, какъ мы уже замѣтили, было извѣстно арабскимъ географамъ въ формѣ نِيرَابَ, почему и Клермонъ-Ганибъ предпочитаетъ употреблять произношеніе Neirab. Но въ самихъ надписяхъ это имя передается чрезъ נרב, что, конечно, говоритъ въ пользу большей древности произношенія Нѣрабъ¹⁾. Замѣчательно, что это древнее названіе сохранялось въ неприкосновенности черезъ рядъ вѣковъ до нынѣшняго населенія. Еще одинъ примѣръ необыкновенной живучести древнихъ названій мѣстностей на семитическомъ Востокѣ (напомнимъ имена Тадмора, Харра́на, Дамаска и мн. др.).

Нирабскія надписи были найдены такимъ образомъ около 8 лѣтъ тому назадъ, но пріобрѣтены были позже, а учепому міру стали извѣстны только съ 1896 г. Клермонъ-Ганибъ еще въ теченіе 1891—1892 г. имѣлъ свѣдѣнія обо всемъ найденномъ въ Нирабѣ, но до 1896 г. никому не было ничего сообщено объ этомъ. Только въ 1896 г. имъ было сдѣлано объ этомъ первое сообщеніе въ Академіи Надписей и вслѣдъ затѣмъ прочтенъ рядъ лекцій въ Collège de France. Это послѣднее обстоятельство дало возможность I. Галевн получить (повидимому, отъ одного изъ слушателей Кл.-Г.) транскрипцію текстовъ, которая и была немедленно помѣщена имъ съ переводомъ и объясненіями въ Revue Sémitique за тотъ же годъ²⁾. Обстоятельное изслѣдованіе самого Клермонъ-Ганибъ появилось только два года тому назадъ во II томѣ его Études d'archéologie orientale³⁾, и почти одновременно вышла основанная на транскрипціи Галевн, серьезная работа Г. Гофмана (въ Zeitschrift. für Assyriologie⁴⁾). Въ томъ же 1897 году появились, наконецъ, прекрасные фотографическіе снимки съ обѣихъ надписей⁵⁾ и только тогда явилась возможность самостоятельно изучать надписи. Это позднее появленіе въ свѣтъ снимковъ служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ нашего настоящаго, можетъ быть, немного запоздаващаго сообщенія о нирабскихъ находкахъ.

II.

Неоцѣнимое достоинство нирабскихъ надписей заключается прежде всего уже въ томъ, что онѣ сохранились въ замѣчательной цѣлости. До

1) Нельзя же предположить, чтобы дwoегласная ai была передана безъ ъ, если-бы она въ тѣ времена произносилась въ этомъ имени.

2) Стр. 279—284; см. тамъ-же дополненія на стр. 369—373 и Revue Sémitique за 1897 г., стр. 189—190.

3) Стр. 182—223 («Les stèles araméennes de Neirab»).

4) XI Band 2 u. 3 Heft pp. 207—236 («Aramäische Inschriften aus Nērab bei Aleppo»).

5) Въ изданіи Клермонъ-Ганибо «Album d'Antiquités orientales» (Paris, 1897) табл. I и II.

сихъ поръ семитологамъ обыкновенно приходилось, какъ извѣстно, имѣть дѣло съ искалѣченными памятниками (стела Мешы, вивльская стела, арамейская стела изъ Теймы и мн. др.). Въ настоящемъ случаѣ, за исключеніемъ развѣ двухъ буквъ, текстъ сохранился въ безукоризненномъ видѣ.

По размѣрамъ ирабскія плиты немного уступаютъ другимъ древне-семитическимъ (не-ассирійскимъ) плитамъ. Онѣ имѣютъ почти 1 метръ въ высоту ¹⁾; вивльская стела Іехавмелека (1,13 м.), равно какъ и стела Мешы въ ея настоящемъ видѣ (1,05 м.), имѣютъ болѣе 1 метра въ высоту. Но въ сравненіи съ большими ассирійскими стелами ирабскія плиты, конечно, невелики: онѣ болѣе, чѣмъ вдвое, меньше напр. стель Саргона (2,09 м.) и Ассурнаспрала (2,63 м.) и въ три съ половиною раза короче колоссальной стелы Ассархаддона изъ Зенджирли (3,46 м.), величайшей изъ древне-семитическихъ стель. Подобно всѣмъ вышеупомянутымъ плитамъ, ирабскія плиты сверху округлены. Нижняя часть одной изъ нихъ, кромѣ того, служена внизу для закрѣпленія ея въ стоячемъ положеніи въ четырехугольной каменной подставкѣ. Последняя была также найдена на мѣстѣ находки, но по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, не могла быть приобретена вмѣстѣ съ плитами.

Прежде чѣмъ перейти къ надписямъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о замѣчательныхъ рельефныхъ изображеніяхъ, составляющихъ, несомнѣнно, украшеніе ирабскихъ стель. Обѣ плиты, какъ свидѣлствуютъ надписи, были сооружены надъ гробницами двухъ жрецовъ бога луны въ Нерабѣ. Рельефныя изображенія даютъ намъ представленіе о покойныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомятъ съ жертвеннымъ ритуаломъ древнихъ арамейцевъ. На одной изъ плитъ умершій жрецъ изображенъ стоящимъ въ молитвенномъ положеніи и, повидимому, обращающимся съ молитвою къ божеству. Правая рука покойнаго протянута вверхъ въ обычномъ молитвенномъ жестѣ; лѣвая, согнутая въ локтѣ, держитъ предметъ, въ которомъ Клермонъ-Ганно признаетъ длинную сложенную вдвое ленту съ бахрамою на концахъ. Какое назначеніе могъ имѣть этотъ предметъ, Клермонъ-Ганно не объясняетъ. Но то обстоятельство, что покойный жрецъ держитъ его въ рукахъ въ моментъ совершенія молитвы, намъ кажется, указываетъ, что предметъ этотъ составлялъ необходимый атрибутъ жреца при совершеніи обрядовъ. Не было ли назначеніемъ его служить для совершенія какого либо ритуального обмахиванія приношеній, подобнаго тому, напр., какое мы видимъ на второмъ рельефѣ? Какъ бы то ни было, но покойный жрецъ изображенъ, очевидно, въ своемъ полномъ облаченіи и съ

1) Именно, по Клермонъ-Ганно, онѣ имѣютъ 0,93 и 0,95 метра въ высоту.

аттрибутомъ своего сана въ рукахъ, и въ томъ самомъ положеніи, конечно, въ которомъ окружающіе, вѣроятно, часто видѣли его еще при жизни. Это первое документальное изображеніе древне-арамейскаго жреца.

На другой плитѣ изображена загробная трапеза второго жреца. Покойный сидитъ на стулѣ передъ небольшимъ столомъ несомнѣнно ассирійскаго типа ¹⁾, на которомъ разложены принесенныя ему яства; что именно лежитъ, трудно разобрать. Ноги обнажены, какъ и у перваго жреца, и опираются на подставленную маленькую скамейку. Правою рукой покойный подноситъ круглую чашу ко рту, готовясь, повидному, выпить находящееся въ ней, принесенное ему питье. По другую сторону стола — жертвенника стоитъ другая мужская фигура, но значительно меньшаго роста, чѣмъ главная фигура жреца. Въ правой рукѣ эта фигура держитъ нѣчто въ родѣ опахала, которымъ она совершаетъ, повидному, обмахиваніе лежащихъ на столѣ яствъ ²⁾; въ лѣвой рукѣ она держитъ тоже какой-то предметъ, который, однако, крайне трудно разобрать. Обмахиваніе, которое совершаетъ по направленію къ жрецу стоящая по другую сторону стола фигура, едва-ли представляетъ простое обмахиваніе яствъ отъ мухъ, какъ думаютъ Клермонъ-Ганно и Гофманъ. Мы думаемъ, судя по обстановкѣ, что скорѣе слѣдуетъ здѣсь видѣть какой-либо ритуальный, чисто символическій актъ, возникшій, можетъ быть, въ концѣ концовъ, дѣйствительно изъ такого обмахиванія ради охраненія приношеній. Такой же символическій актъ мы имѣемъ, вѣдь, въ извѣстномъ обрядѣ **לנרפ** ветхо-завѣтнаго храмоваго ритуала. Мы позволимъ себѣ даже при этомъ высказать предположеніе, не слѣдуетъ ли подѣ библейскимъ **לנרפ** и техническимъ выраженіемъ **פנין** понимать именно ритуальное обмахиваніе, подобное изображенному на нашей плитѣ. Въ такомъ случаѣ становится понятнымъ, что обрядъ **לנרפ** могъ совершаться, по библ. даннымъ, не только надъ жертвенными приношеніями, но по Книгѣ Числъ гл. 8 (ст. 11, 13, 15, 21) могъ быть совершенъ и надъ людьми (въ данномъ случаѣ надъ левитами), какъ символъ посвященія ихъ Богу. При обычномъ пониманіи этого выраженія въ значеніи «потрясать» и им. существ. **לנרפ** «обрядъ потрясенія», представляется въ высшей степени затруднительнымъ уразумѣть, какимъ образомъ такое потрясеніе могло состояться въ примененіи къ людямъ ³⁾.

1) Срв. изображенія у Хоммеля (*Geschichte Babylonien — Assyrien* p. 697) и у Массперо (*Histoire ancienne des peuples de l'orient classique* II, p. 624).

2) Совершенно такое же ритуальное обмахиваніе (при жертвенномъ возліаніи) представляется сцена на извѣстномъ ассирійскомъ обелискѣ Салманассара (у Штаде, *Gesch. d. Volk. Israel* I, p. 564) и на одномъ неизданномъ надгробномъ рельефѣ изъ Зенджирли, который намъ удалось видѣть въ Королевск. Музеѣ въ Берлинѣ.

3) Какъ извѣстно, независимая критика именно поэтому отнеслась съ сомнѣніемъ къ

Но возвратимся къ нашимъ рельефамъ. Всѣ лица изображены безъ бороды. Одѣяніе обонхъ жрецовъ состоитъ изъ доходящаго до ногъ шпорокаго верхняго платья, украшеннаго бахромой на ассирійскій манеръ. Платье закрываетъ только лѣвое плечо; правая сторона тѣла до поясницы, повидному, обнажена. На головахъ у обонхъ жрецовъ круглыя шапки своеобразнаго покроя, плотно охватывающія голову; онѣ снабжены сзади лентами (на второмъ рельефѣ ленты, впрочемъ, не разобрать). Всѣ три лица имѣютъ характерный семитическій типъ, немного напоминающій ассирійскій. Конечно, мы имѣемъ передъ собою представителей арамейской національности.

III.

Надписи, сопровождающія изображения, сдѣланы не въ рельефѣ, какъ на зенджирлійскихъ памятникахъ или напр. на арамейской плитѣ изъ Теймы, а вырѣзаны въ камнѣ, подобно большинству семитическихъ надписей. Письмена того-же типа, какъ и въ надписяхъ изъ Зенджирліи, т. е. архаическія финикійскія, лучшимъ образцомъ которыхъ служатъ, какъ извѣстно, надпись Меша. Говоря о письменахъ, слѣдуетъ упомянуть здѣсь о загадочномъ надстрочномъ знакѣ, въ видѣ черты надъ вторымъ **מ**, въ 6-й строкѣ второй надписи; на него обращаетъ вниманіе и Клермонъ-Ганно. Ниже мы укажемъ на болѣе всего вѣроятное, по нашему мнѣнію, значеніе этой черты въ надписи.

Обѣ надписи писаны на арамейскомъ діалектѣ, который, въ грамматическомъ отношеніи, ближе всего изъ извѣстныхъ намъ нарѣчій стоитъ къ библейско-арамейскому нарѣчію, т. е. къ языку арамейскихъ отрывковъ въ книгахъ Эзры и Даніила. Особенно здѣсь характерны имперфектныя формы *Harh'el*, какъ **האבדו** = **יהאבדו** (отъ **אבד**) и **הבאשו** = **יהבאשו** (отъ **באש**), и отсутствіе уподобленія въ **ינצר** (имперфектъ *Qal* отъ **נצר**; срв. въ библейско-арамейскомъ **יִנְצֵן** Дан. 2. 16, **תִּנְצֵן** Эзр. 7. 20 и т. п.) на ряду съ **סרו** (отъ **נסס**)¹⁾. Отъ библейско-арамейскаго ивритское нарѣчіе отличается

разказанному въ 8-й главѣ книгѣ Числь (Wellhausen, Gesch. d. Volk. Israel 1878 p. 332: «man denke sich Aharon und Mose die 22000 Menschen schwingen!»). Предлагаемое нами пониманіе глаг. **הניף** (съ вин. пад. лица или вещи) въ значеніи **הניף על** «махать надъ кѣмъ-либо», т. е. обмахивать кого-либо = **נרף** (Притч. 7.17: **נפתי משכבי מר**; Вулг. *aspersi subile meum mugha*) устраняетъ всякія сомнѣнія въ достовѣрности библ. повѣствованія (потому-что обмахнуть 22000 человекъ, конечно, не представляетъ трудностей) и избавляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ искусственныхъ объясненій евр. слова, къ которымъ приходилось прибѣгать. Притомъ оно вполне возможно съ точки зрѣнія правилъ еврейскаго синтаксиса; срв. напр. **הניר** съ винит. пад. лица = **על הניר** въ **ננידנו** Iер. 20.10 и, можетъ быть, въ **יעים יניר רעים** Iов. 17.5.

1) Срв. въ надписи изъ Теймы формы **ינסחרוי** (стр. 14), **יהנפק** (стр. 21) и т. п.

преимущественно своеобразными звуковыми явлениями, которые характеризуют языкъ нѣкоторыхъ (древнѣйшихъ) арамейскихъ надписей, какъ напр. надпись изъ Теймы и зенджирлійскихъ надписей), а именно: шпичіяція стоять обыкновенно тамъ, гдѣ въ позднѣйшихъ арамейскихъ діалектахъ стоять зубныя, напр. имѣемъ זנ , ז : «этотъ, эта» (вм. זנ , ז), זי «который» (вм. זי), נצר «охранять, хранить» (вм. נצר), אשר «мѣсто» (вм. אשר). Иначе говоря, въ известномъ фонетическомъ законѣ, установленномъ для семитическихъ языковъ:

еврейско-финик.	ז	= араб.	ذ	= арам.	ד
еврейско-финик.	ש	= араб.	ش	= арам.	ש
еврейско-финик.	צ	= араб.	ط	= арам.	ט

ирабскія надписи (подобно зенджирлійскимъ надписямъ, надпись изъ Теймы и еще нѣкоторымъ древне-арамейскимъ надписямъ) тѣсно примыкають къ еврейско-финикійской группѣ. Ирабское нарѣчіе отличается еще отъ всѣхъ известныхъ арамейскихъ нарѣчій образованіемъ 3 лица мн. ч. числа муж. р. въ имперфектѣ на û , не на ûn , напр. יכרו (Нир. I 9), יהאכרו (Нир. I 11), יהכאשו (Нир. II 9). Въ обонхъ этихъ отступленіяхъ мы видимъ вліяніе или ханаанской или даже ассирійской рѣчи.

Въ лексическомъ отношеніи замѣчается существенная разниа между ирабскими и зенджирлійскими надписями. Въ первыхъ не встрѣчается ни одного изъ характерныхъ еврейско-ханаанскихъ словъ, которыя напр. преобладають въ такой степени въ надписяхъ изъ Зенджирли. Исключеніе составляетъ одно лишь слово למען «чтобы» (1 разъ во II-ой ирабской надписи); хотя это чтеніе въ данномъ мѣстѣ еще и оспаривается, но по нашему убѣжденію только при помощи такого ханаанизма получается известный связный смыслъ и поэтому онъ долженъ быть допущенъ. Съ другой стороны обиліе при небольшомъ объемѣ надписей столь характерныхъ арамейскихъ выраженій, какъ כטל «убивать» (= קטל) или הבאש (*Haphel* отъ באש) «дѣлать дурнымъ, злымъ», כמר «жрецъ», הן «если» и т. д. не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ирабскій діалектъ въ сравненіи съ зенджирлійскимъ есть *въ настоящемъ смыслѣ слова арамейскій* діалектъ. Въ зенджирлійскихъ надписяхъ понятіе «убивать» передается напр. не чрезъ קטל , а только чрезъ еврейско-ханаанское הרג .

Изъ ассиро-вавилонскаго языка заимствовано, вѣроятно, совершенно необычайное въ арамейскихъ діалектахъ ש = асспр. ša (= арам. ש , ז) для обозначенія родительн. пад. (Нир. I 1; Нир. II 1). Можетъ быть, ассирійское вліяніе сказалось и въ употребленіи мѣстоим. формы אנ («ты») съ уподобленіемъ буквы נ = асспр. atta .

Ороографія надписей во многихъ отношеніяхъ крайне любопытна. Обращаемъ прежде всего вниманіе на не встрѣчавшееся до сихъ поръ *нигдѣ* своеобразное правописаніе отрицанія **לא** безъ **א**, т. е. **ל**, напр. **לאתאזה** **ל** (Нпр. II 4) = **לאאתאזה**; **ול שמו** (Нпр. II 6) = **ולא שמו**; **ל תהנם** (Нпр. II 8) = **לא תהנם**. Не менѣе замѣчательно правописаніе словъ **ארצתא** (Нпр. I 7, съ суффиксами **ארצתי** Нпр. II 8, **הארצתא** Нпр. I 4) = **ערסא** «ложе», и **יכטלוך** (Нпр. I 11) = **יקטלוך** «да убьютъ тебя». Обѣ послѣднія особенности объясняются, конечно, діалектическими особенностями ирабскаго нарѣчія. Припомнимъ правописаніе **כינא** = **קינא** («лѣто») въ стропильной надписи Баррехабана изъ Зенджирліи, **כפרא** = **קברא** въ набатейскихъ надписяхъ (хотя много мнѣнія проф. Нёльдеке у Эйтинга, *Nabat, Inschrift. aus Arab.* p. 27) и извѣстные примѣры обмѣна **ק** съ **כ** въ арамейскомъ **קחך** = **קחך** «смѣяться» (но и въ араб. **صَحَكَ**) или эдесское **صَعْلًا** «стрѣлокъ» = **صَعْلًا**, **קשת** (отъ **קשת** = **قوس**) и т. п.¹⁾ Обмѣнъ **צ** съ **ס** въ **ארצתא** = **ארסתא** также не представляетъ ничего безусловно невиданнаго въ семитическихъ языкахъ (срв. евр. **קחך** = **חקך** «смѣяться» и другіе примѣры у Wright'a въ *Lectures on the comparat. Grammar of the semit. Languages* p. 60). Въ ослабленіи первоначальнаго **у** въ **א** можно видѣть вліяніе ассиро-вавилонскаго языка, гдѣ всѣ гортанныя (за исключеніемъ **ח** = **خ**) слились, какъ извѣстно, въ **א** и гдѣ наше слово звучитъ **iršu** = **ארשא** (Delitzsch, *Assyrische Lesestücke*³ p. 138).

Но самымъ существеннымъ остается фактъ, что мы стоимъ на арамейской почвѣ и имѣемъ дѣло съ настоящимъ арамейскимъ, не съ хаанаанско-арамейскимъ діалектомъ, какъ въ зенджирлі. надписяхъ. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ, крайне важно, такъ какъ позволяетъ установить нѣкоторые положенія касательно древности арамейской рѣчи въ Сиріи.

IV.

Но перейдемъ теперь къ содержанію надписей. Хотя обѣ плиты, какъ уже было нами замѣчено, прекрасно сохранялись и всѣ буквы, за исключеніемъ одной или двухъ, совсѣмъ ясны, и хотя благодаря свойству самого типа письма нѣтъ возможности смѣшать одной буквы съ другою (въ архаическомъ финикійскомъ алфавитѣ всѣ буквы, какъ извѣстно, рѣзко разли-

1) Частый переходъ начальнаго **כ** въ **ק** составляетъ напр. діалектическую особенность мандейскаго нарѣчія, см. Nöldeke, *Mand. Gramm.* p. 39 (срв. Lindberg, *Vergl. Gramm. d. semit Sprach.* p. 41 ss.).

чаются), тѣмъ не менѣе смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно во второй, большей по объему надписи, не совсѣмъ ясенъ для осторожныхъ семитологовъ и является возможность разныхъ толкованій. Этому виною отчасти употребленная въ ирабскихъ надписяхъ система непрерывнаго письма (scriptio continua), т. е. безъ раздѣленія отдѣльныхъ словъ, отчасти наши крайне отрывочныя знанія въ древне-арамейской рѣчи VIII—VII вѣковъ до Р. X. Надо помнить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ древнѣйшими памятниками арамейской рѣчи, между которыми и извѣстными намъ до сихъ поръ старѣйшими, болѣе или менѣе значительными, текстами въ книгахъ Эзы и Даніила лежатъ нѣсколько столѣтій. Болѣе близкіе по времени къ ирабскимъ надписямъ арамейскіе памятники, напр. надпись изъ Теймы или египетско-арамейскія плиты (саккарская и другія) слишкомъ незначительны по содержанію, чтобы оказать существенную помощь.

Первая ирабская плита съ изображеніемъ молящагося жреца имѣетъ слѣдующую надпись (вокругъ изображенія жреца):

שנורבן כמר	1
שהר בנרב מת	2
זונה צלמה	3
וארצתה	4
מן את	5
תהנס צלמא	6
זנה וארצתא	7
מן אשרה	8
שהר ושמש ונכל ונשך יסחו	9
שמך ואשרך מן חין ומות...ה	10
יכטלוך ויהאבדו זרעך והן	11
תנצר צלמא וארצתא זא	12
אחרה ינצר	13
זי לך.	14

«Назарбана, жреца Сахра въ Нерабѣ, умершаго. И это его изображеніе и его гробница. Ты, который похитишь это изображеніе и гробницу съ ея мѣста, пусть Сахрѣ, Шамашѣ, Никкалѣ и Нускѣ исторгнутъ твое имя и твое мѣсто изъ [среды] живыхъ и смертью да убьютъ тебя и истребятъ сѣмя твое! А если ты сохранишь изображеніе и эту гробницу, да сохранитъ другой, что у тебя!».

Объясненіе необычайныхъ формъ и словъ:

ש = ассвр. ša = араб. ش, ٥.

כמר = араб. כמרא (надпись изъ Теймы), כומרא (въ таргумахъ),

כמר* въ כְּמָרִים (II Цар. 23. 5; Ос. 10. 5; Соф. 1. 4).

שהר = араб. סהרא, سہرا, библ. סְהַר (Пѣсь Пѣсн. 7. 3; срв. שהרנים

Ис. 3. 18) «луна».

ארצתא (стр. 4 и 12; во второй надп. стр. 8), какъ указалъ уже Кл.-Г., есть араб. عرسا «ложе» (встрѣчается и женская форма ערסתא, см. напр. таргумъ Онкелоса къ Исх. 7. 28: ערסתך = евр. ממתך, singul.). Въ нашихъ надписяхъ слово имѣетъ значеніе «гробница, саркофагъ», какъ евр. ערש Второз. 3. 11; срв. употребленіе משכב во II Паралип. 16, 14¹⁾.

Слово תהנס (стр. 6; во второй надп. стр. 8 и 9), судя по контексту, должно обозначать въ нашихъ надписяхъ что-либо въ родѣ «уносить, выносить, похищать» и т. п.; это ясно видно изъ сопоставленія трехъ мѣстъ:

Нпр. I стр. 6: מן את תהנס צלמא זנה וארצתא מן אשרה

Нпр. II стр. 8: למען לאחרה לתהנס ארצתי

Нпр. II стр. 9: מן את תעשק ותהנסני

Но этимологія формы не вполне ясна. Она можетъ быть произведена 1) отъ הנם (въ *Qal* или *Pael*), 2) отъ נום (въ *Haph'el*), 3) отъ נסם (въ *Haph'el*), и пожалуй даже 4) отъ נסה или נסא (въ *Haph'el*). Первое производство принадлежитъ Г. Гофману, который признаетъ это הנם за אנס таргумовъ (въ *Qal*) «похищать»²⁾. Второе предлагаетъ Галеви, считая нашу форму за *Haph'el* отъ глаг. נום (= евр. נום «бѣжать») въ значеніи «retirer, déplacer». Третье производство за отсутствіемъ подходящаго арамейскаго глагольнаго корня не нашло сторонниковъ. Наконецъ, въ пользу четвертой этимологіи для нашей формы, предпочитая ее, повидямому, остальнымъ, склоняется Клермонъ-Ганно (не высказываясь, впрочемъ, все-же окончательно); по мнѣнію послѣдняго, תהנס въ нашихъ надписяхъ можно разсматривать какъ *Haph'el* отъ נסה = נסא съ кореннымъ נ (= евр. נשא) «enlever», т. е. читать תְּהַנֵּס вмѣсто обыкновеннаго תהנסа или תהנסא³⁾.

1) Такое же значеніе имѣетъ משכב и въ известной финик. надп. Эшмуназара (срв. G. Hoffmann, Ueber einige phönik. Inschriften pp. 44—45).

2) Напр. въ Таргумѣ Онкелоса къ Быт. 21, 25; 31, 31; Лев. 19, 13; Втор. 28, 31 (вездѣ для передачи נל евр. текста).

3) Слѣдуетъ замѣтить, что такая допускаемая Клермонъ-Ганно для ирабскихъ надписей *scriptio defectiva* совершенно неизвѣстна въ подобныхъ случаяхъ въ арамейскихъ текстахъ и могла бы быть допущена лишь въ финикійскихъ надписяхъ. Въ древнѣйшихъ арамейскихъ текстахъ, какъ напр. въ книгахъ Ээры и Даниила, господствуетъ, какъ извѣстно, правописаніе съ *matres lectionis* נ или ת (для передачи конечнаго ē); произведенный нами нарочно подсчетъ формъ по изданіямъ С. Бэра далъ для имперфекта всѣхъ

Изъ приведенныхъ объясненій мы безусловно считаемъ предложенное Г. Гофманомъ объясненіе наиболѣе правдоподобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) существованіе арамейскаго глагола **ננס** (въ *Qal*) не подлежитъ никакому сомнѣнію ¹⁾; б) употребленіе даннаго глагола въ таргумахъ съ винит. пад. *похищаемаго* предмета или лица и съ винит. пад. лица, *у котораго что-либо похищаютъ* ²⁾, вполне совпадаетъ съ употребленіемъ нашей формы **ננס** въ обѣихъ ирабскихъ надписяхъ и оба значенія «похищать что-либо» (или кого-либо) и «грабить кого-либо» прекрасно подходятъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ къ контексту; в) звуковое равенство **ננס** = **ננס** не можетъ возбуждать никакихъ недоумѣній или возраженій, такъ какъ обмѣнъ буквъ **נ** и **ס** (или лучше ослабленіе **נ** въ **ס**) не представляетъ ничего необыкновеннаго для семитическихъ, и въ частности арамейскихъ діалектовъ ³⁾.

ננס (стр. 8 и 10) есть фонетически-правильный для ханаанской (еврейско-финикійской) группы и для ассирійскаго (гдѣ это слово звучитъ

основъ отъ **ננס** 47 примѣровъ съ **ס** на 13 примѣровъ съ **נ** (и только 1 примѣръ въ Дан. 5, 12 съ **י**), а для дѣйствительнаго причастія въ *Qal* наоборотъ 42 примѣра съ **נ** на 8 примѣровъ съ **ס** (и ни одного съ **י**). Въ позднѣйшихъ еврейско-арамейскихъ текстахъ (таргумахъ, талмудахъ) здѣсь получило полное господство правописаніе съ **י**. Въ эдесскомъ діалектѣ господствуетъ, какъ извѣстно, правописаніе съ **ס**.

1) Примѣры изъ таргумовъ можно найти въ изобиліи въ Chald. Wörterb. über die Targumim д-ра Леви. Обращаемъ, однако, вниманіе, что употребленіе глагольнаго корня **ננס** въ еврейско-арамейскомъ въ значеніи «гаруйт» (Meux, Chrestom. targumica p. 171) должно строго отличать отъ употребленія того же глагола (въ томъ же діалектѣ) въ родственномъ значеніи «vim intulit, coëgit»; только послѣднее значеніе замѣчается въ этомъ глагольномъ корнѣ въ эдесскомъ діалектѣ (въ *Ethiœp. el.*: **ננס** «coactus est» и *Pœl.*, см. Payne-Smith, Thesaur. Syriacus s. v.) и уже въ библейско-арамейскомъ (Дан. 4, 6: **ננס** **ננס** **ננס**; срв. Эсс. 1, 8).

2) Примѣръ употребленія глг. **ננס** съ винит. пад. *похищаемаго* предмета имѣемъ въ таргумѣ Онкелоса къ Быт. 31, 31: **ננס** **ננס** **ננס** **ננס** «я сказалъ (себѣ): чтобы ты не похитилъ у меня моихъ дочерей»; съ винит. же пад. лица, *у котораго что-либо похищаютъ*, находимъ напр. глг. **ננס** въ пророческомъ таргумѣ къ Суд. 9, 25: **ננס** **ננס** **ננס** «и они грабили каждаго, который проходилъ мимо нихъ». Соотвѣственно такому двойному употребленію, и страдат. прич. **ננס** можетъ имѣть двойное значеніе: «похищенный» (напр. въ таргумѣ Онкелоса къ Второз. 28, 31: **ננס** «осель твой будетъ похищаемъ») и «ограбленный» (напр. въ томъ же таргумѣ къ Втор. 28, 29: **ננס** «ты будешь только подвергаться насилію и ограбленію всѣ дни»). Нечего и говорить, что, въ этомъ двойномъ употребленіи и значеніи, арам. **ננס** совершенно совпадаетъ съ евр. глагольнымъ корнемъ **ננס** (для передачи послѣдняго арам. **ננס** обыкновенно и употребляется въ таргумахъ), срв. напр. страдат. прич. **ננס** въ Второз. 28, 31 съ **ננס** Втор. 28, 29.

3) См. G. Dalman, Grammatik d. jüd.-paläst. Aramäisch pp. 68—69 и Th. Nöldeke, Mandäische Grammatik pp. 61 ss. Замѣтимъ, однако, что, по мнѣнію Лиядберга (Vergleich. Grammat. d. semit. Sprachen I p. 28 ss.), мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ фонетическимъ измѣненіемъ, а съ измѣненіемъ, вызваннымъ морфологическимъ уподобленіемъ (Analogiebildung).

ašru, въ *stat. constr.* ašar) эквивалентъ общеупотребительнаго арамейскаго слова [אָר] «мѣсто» (черезъ промежуточное араб. *أثر*); поэтому, весьма вѣроятно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ заимствованнымъ изъ ассирійскаго (или ханаанскаго?) произношеніемъ. Въ нашей надписи имѣемъ первый не подлежащій спору примѣръ употребленія существ. אִשְׁרָ в арамейскомъ ¹⁾).

Форма יִסְחֹר (стр. 9) происходитъ, конечно, отъ נִסַּח «вырывать» съ необычайнымъ, собственно говоря, уюдобленіемъ נ; срв. תִּנְצַר (стр. 12) и יִנְצַר (стр. 13), а также יִנְסַחְרֵי въ арамейской надписи изъ Теймы (стр. 14) ²⁾).

חַי (въ стр. 10) мы считаемъ вмѣстѣ съ Галеви за множ. число отъ прилагат. חַי «живой» и понимаемъ въ смыслѣ библ. אֲרָץ חַיִּים; срв. напр. Псал. 52. 7: ויִסְחֹךְ מֵאֹהֶל וּשְׂרָשֶׁךְ מֵאֲרָץ חַיִּים (гдѣ мы находимъ и глаголь נִסַּח) «и да исторгнетъ тебя изъ шатра и да искоренитъ тебя изъ страны живыхъ». Г. Гофманъ и К.л.-Г. видятъ въ этой формѣ *plurale tantum* (= евр. חַיִּים) «жизнь». Но выраженіе «исторгнуть имя чье-либо и мѣсто чье-либо изъ жизни» намъ представляется весьма искусственнымъ.

Въ концѣ строки 10-й мы читаемъ (по фототипіи) מוֹתָתָה и видимъ въ этомъ словѣ, которое мы соединяемъ синтаксически съ послѣдующимъ יִכְטְלוּךְ, такъ назыв. *абсолютный объектъ* арабскихъ грамматиковъ (مفعول مطلق), представленный однако, не масдаромъ соотвѣтствующаго глагола, но абстрактнымъ существительнымъ, по значенію сходнымъ съ глаголомъ, который управляетъ имъ ³⁾. Съ нашимъ выраженіемъ מוֹתָתָה יִכְטְלוּךְ «смертью да убьютъ тебя» можно сопоставить напр. въ эдесскомъ صَمَدًا لَنْ يَحْتَمِلَ صَمَدًا لَنْ يَحْتَمِلَ (Nöldeke, Mand. Grammat. p. 400 Anm. 2) «горькою смертию я умерщвлю васъ»; срв. также въ пророческомъ таргумѣ къ Іер. 18. 21: וּנְבִירֵיהֶן יִהְיוּ קְטִילֵי מוֹתָהּ «я мужи ихъ будутъ убиты смертию» (= וְאִנְשֵׁיהֶם יִהְיוּ הַרְגֵי מוֹתָהּ) ⁴⁾. Мы отступаемъ такимъ образомъ здѣсь отъ

1) Въ надписяхъ изъ Зенджирли наше слово употреблено, повидимому, въ двухъ мѣстахъ въ значеніи существительнаго, именно въ надписи Панамму (стр. 27) и въ I надписи Баррехаба (строка 18) согласно объясненію Д. Г. Мюллера въ *Wiener Zeitschr. für d. Kunde d. Morgens*. VII Bd. 1893, pp. 18, 66. Но общій смыслъ данныхъ мѣсть въ виду поврежденнаго состоянія текста далеко не ясенъ и чтеніе вѣнскаго ориенталиста еще не можетъ считаться установленнымъ.

2) Примѣры изъ библейско-арамейскаго довольно многочисленны; см. Kautzsch, *Grammat. d. bibl.-aramäischen* pp. 67 и 28.

3) См. W. Wright, *Grammar of the Arab. Lang.* 2 II p. 57 Rem. α и для арамейскихъ диалектовъ Th. Nöldeke, *Mand. Gramm.* pp. 399 ss.

4) Въ синтаксическомъ отношеніи קְטִילֵי מוֹתָהּ (= הַרְגֵי מוֹתָהּ) конечно, представляетъ совершенно другое явленіе. Абсолютный объектъ замѣненъ здѣсь родительнымъ падежемъ въ зависимость отъ именнаго управленія причастій и все выраженіе есть примѣръ такъ называемаго *не-истиннаго* (формальнаго) сочетанія, *غير الحقیقیة*, или *الإضافة* араб. грамматиковъ, см. W. Wright l. c. pp. 239—240, 215 (срв. Gesenius-Kautzsch, *Hebr. Gramm.* ²⁸ pp. 412 ss.).

всѣхъ другихъ изслѣдователей нашей надписи, видящихъ еще слѣды какой-то буквы послѣ מות и предлагающихъ соответственно этому иныя, по нашему мнѣнію, рискованныя чтенія ¹⁾).

ארה (стр. 13 и, повидимому, также во второй надписи стр. 8) представляетъ по нашему мнѣнію древній арамейскій эквивалентъ евр. אֶהָרָה и араб. آخَرُ «другой». Во всѣхъ позднѣйшихъ арамейскихъ діалектахъ эта форма уступила мѣсто болѣе полной съ נ (въ эдесск. ܢܘܢ, въ евр.-арам. אחרנא, также אחרנא и חורנא, въ манд. ܚܘܪܝܢܐ), но болѣе древнее ארה сохранилось еще въ сложномъ выраженіи יומהרה «другой день, слѣдующій день» (= הרה + יומא изъ ארה יומא), встрѣчающемся въ еврейско-арамейскихъ діалектахъ, особенно въ такъ называемыхъ іерусалимскихъ таргумахъ ²⁾. Конечное ה указываетъ на *stat. emphat.* и нѣтъ, по нашему

1) Всѣ изслѣдователи видятъ въ словѣ, стоящемъ, по ихъ мнѣнію, за מות, ближайшее опредѣленіе рода смерти, которымъ жрецъ грозитъ похитителю его гробницы. Галеви въ своей послѣдней замѣткѣ о нашихъ надписяхъ остановился на чтеніи מות [מ]רה, что онъ считаетъ возможнымъ перевести «d'une mort foudroyante». Кз.-Г. читаетъ מות להח (и это чтеніе принято безъ оговорокъ Лидзбарскимъ въ его Handbuch der nordsem. Epigraphik I Th., pp. 445 и 502), но, предлагая разныя сопоставленія, отказывается самъ объяснить этимологически слово להח (l. c. p. 198: «je ne sais comment l'expliquer au juste étymologiquement»); смыслъ выраженія по мнѣнію Кз.-Г. долженъ быть что-либо въ родѣ «de mallemort» (l. c. p. 199). Наконецъ, Г. Гофманъ держителѣ чтенія מות להח, или מות להח, и предлагаетъ слѣдующіе переводы этихъ словъ: 1) להח = לא חר = [den Tod] eines Unedlen, Gemeinen», гдѣ, конечно, должно обозначать то же, что эдесск. ܠܘܢܘܢ и евр.-арам.

חורא въ выраж. בר חורינן и т. п. = ܚܘܪܝܢ «свободный»; 2) להח = לחוד «und möge einzig und allein, vor allen denkbaren andern Strafen, dich tödten» (здѣсь Г. Гофманъ указываетъ на употребленіе въ евр.-арамейскомъ слова לחוד въ значеніи евр. מאד); 3) въ своемъ переводѣ всей надписи этотъ ученый предлагаетъ съ знакомъ вопроса слѣдующій переводъ нашего выраженія (не давая никакихъ ближайшихъ поясненій): «und dich jedenfalls (?) Todes tödten». Мы позволимъ себѣ склониться отъ критики подобныхъ объясненій.

2) Примѣры можно найти у Дальмана (Grammat. d. jüd.-paläst. Aramäisch p. 170) и Леви (Chald. Wörterb. über d. Targumim s. v.): напр. Быт. 19, 34 евр. ויהי ממחרת въ I іерусал. таргумѣ переведено מיומחרא ויהי; Исх. 19, 10 евр. היום ומחר переведено въ томъ же таргумѣ יומומחרא ויומא דין ויומא דין и др. п. Замѣчательно, что и раздѣльно кое-гдѣ встрѣчается אחרא (въ значеніи евр. מחר въ таргумѣ II Паралим. 20, 16 по изданію Лагарда; у Леви l. c. יומא הרה и יומא הרה) и יומא הרה (авил. Талм. тракт. Bābā Mešā 17 a: למחר הרה וליומא הרה, срв. тракт. Маккѣт 22 b: למחר וליומא אחרא, и тракт. Эрүбинъ 40 b: למחר וליומא אחרא, во въ тракт. Таанитъ 12 b и въ мюнхенской рукописи въ тракт. Маккѣт l. c. и тракт. Эрүбинъ l. c. уже читаемъ אחרנא אחרנא, съ замѣною אחרа болѣе полною формою אחרנא (אחרנא). Отъ יומהרה только одинъ шагъ къ формѣ מהרה, встрѣчающейся напр. въ выраженіи מהרה דמחר «послѣ-завтра» (приведено у Леви l. c.) и къ общезвѣстному парѣчию מָחָר и ܡܚܪܐ. Мы убѣждены, что и евр. מָחָר такого же происхожденія и что предложенное уже Гезениусомъ (Thesaur. s. v.) производство изъ יום אחר, гдѣ אחרъ есть исчезнувшій въ евр. языкѣ эквивалентъ араб. آخَرُ, остается до сихъ поръ, несмотря на всѣ возраженія новѣйшихъ ученыхъ (см. особенно Е. König, Histor.-krit. Lehrgebäude d. Hebr. Spr. II Hälfte I Th. p. 263), все-же самой лучшей, даже единственною болѣе или менѣе вѣроятною изъ всѣхъ предложенныхъ этимологій.

миѣнію, необходимости для объясненія прибѣгать къ искусственной формѣ אִתְּרָה (образованной отъ корня при помощи окончанія ê, подобно לְבָנָה אִשָּׁה и т. и.), какъ это дѣлаетъ Г. Гофманъ.

יִ לך (стр. 14) = обычному араб. דִּי לך (въ библ.-араб. еще раздѣльно, напр. Дан. 2. 10: דִּי-לָהּ) и דִּילך, сир. ܕܝܠܚ и т. д.

V.

Вторая надпись болѣе содержательна, чѣмъ первая, но за то представляетъ больше трудностей для пониманія. Особенно большое разногласіе возбудили 5-я и 6-я строки этой надписи. Главный камень преткновенія представляетъ сочетаніе четырехъ буквъ ירהו въ началѣ 6-ой строки, которое различно объясняется Галеви, Клермонъ-Ганио и Г. Гофманомъ. Послѣ внимательнаго, неоднократного изученія фотографическаго снимка намъ также удалось попасть на одну новую комбинацію буквъ и мы можемъ представить съ своей стороны четвертое и, какъ мы позволяемъ себѣ думать, наиболѣе правдоподобное объясненіе загадочнаго начала 6-й строки.

Всѣ изслѣдователи читаютъ нашу надпись слѣдующимъ образомъ (т. е. разбивая *scriptio continua* на извѣстныя группы буквъ):

שֵׁאנְבֵר כִּמְר שְׁהַר בְּנֵרֵב	1
זֶנָה צִלְמָה בְּצִדְקָתִי קִדְמוֹה	2
שְׁמוֹנִי שֵׁם טֹב וְהֶאֱרַךְ יוֹמִי	3
בְּיוֹם מֵתָת פָּמִי לֵאֲתֹאחֹו מִן מִלֵּן	4
וּבְעֵינֵי מַחֲזֵה אֵנָה בְּנֵי רִבְעֵ בְכוֹן	5
יֹהוּ מֵאֵת הַמּוֹ וְלֹ שְׁמוֹ עִמִּי מֵאֵן	6
כִּסֶּף וְנֹחַשׁ עִם לְבָשִׁי שְׁמוֹנִי לְמַעַן	7
לְאַחֲרָה לֵאֲתֹאחֲרֵי מִן אֵת תְּעִשְׁק	8
וְתִהְיֶנְסֵנִי שְׁהַר וְנִכְל וְנִשְׁךְ יִהְיֶאֱשׁוּ	9
מִמֵּתָתָה וְאַחֲרָתָה תֵּאבְדֵּ. ¹⁾	10

1) Чтеніе אֲתֹאחֹו въ 4-ой строкѣ и תְּעִשְׁק (безъ ה) въ 8-ой строкѣ теперь окончательно установлено. Галеви и Г. Гофманъ, основываясь на невѣрной транскрипціи אֲתֹאחֹו, потратили много усилій для объясненія этой несуществующей въ дѣйствительности формы.

Первые четыре строки не представляют трудностей для понимания и всѣми переводятся согласно такъ:

1. «Агбара, жреца Сахра въ Нерабѣ.
2. Это его изображеніе. За праведность мою передъ нимъ
3. онъ далъ мнѣ доброе пмя и продлилъ мои дни.
4. Въ день смерти уста мои не были заперты для словъ. . .

Здѣсь только слѣдуетъ отмѣтить во 2-ой строкѣ замѣчательное для древняго нарѣчія отпаденіе буквы *י* въ мѣстном. суфф. *והי* —, т. е. *קדמה* вм. общеупотребительнаго въ литературныхъ арамейск. діалектахъ *קדמיה*. Въ 4-й строкѣ форма *מת* = *מיתות* таргумовъ; здѣсь можно было бы, однако, скорѣе ожидать *י* въ концѣ, т. е. *מתתי* = *מיתותי* «моей смерти»¹⁾.

Въ пониманіи 5-й и начала 6-й строки до слова *ולשמך* всѣ изслѣдователи надписи расходятся не только въ частностяхъ, но и въ общемъ. По Галеви и Клермонъ-Ганно фраза, начинающаяся словомъ *ובעיני*, стоитъ въ самой тѣсной связи съ предшествующею 4-ю строкою и составляетъ съ ней логически одно цѣлое. Г. Гофманъ отдѣляетъ ее отъ предъидущаго и видитъ здѣсь начало собственной рѣчи, т. е. тѣхъ *מלך*, для которыхъ «не были заперты уста» жреца въ день смерти. Для полнаго ознакомленія интересующихся съ предложенными объясненіями этого труднаго мѣста нашей надписи и чтобы дать вмѣстѣ съ тѣмъ ясное представленіе незнакомымъ съ дѣломъ о размѣрѣ колебаній, возможныхъ при разборѣ памятниковъ древне-сеMITяческой эпиграфики, мы помѣщаемъ здѣсь рядомъ *verbatim* переводы Галеви, Клермонъ-Ганно и Г. Гофмана.

Галеви.	Клермонъ-Ганно.	Г. Гофманъ.
5. et de mes yeux qu'ai-je vu? les enfants de la quatrième géné- ration: exactement	et de mes yeux j'ai vu mes fils de la qua- trième génération, de telle sorte,	«Und mit meinen Augen was sehe ich! Kinder der vierten Ge- neration um mich wei- nen;
6. ce jour-là ils étaient cent etc.	qu'ils atteignaient la centaine etc.	oh (seht), ihrer hun- dert!».

Переводы эти основываются на слѣдующемъ пониманіи отдѣльныхъ группъ и словъ. Въ 5-й строкѣ *מחזה* по Галеви и Гофману = *מָה הָיָה*

1) Съ выраз. *יום מת* въ нашей надписи срв. приводимый д-ромъ Леви въ Chald. Wörterb. über die Targum. (II p. 34) примѣръ изъ таргума къ Ис. 4, 5: *ואדכרו יומי מיתותא* (= *שירותא*) «обѣдъ» въ извѣстномъ луврскомъ арамейскомъ папирусѣ, см. Corp. Inscript. Semit. Pars II t. I № 146.

(гдѣ **הָהָה**, конечно, есть причастіе отъ глаг. **הָהָה** «видѣть» въ *Qal*), но по Клермонъ-Ганно **מַחֲהָה** составлять одно слово и есть причастіе отъ того же глаг. въ *Pa'el*, хотя Клермонъ-Ганно самъ признаетъ, что употребленіе глаг. **הָהָה** въ *Pa'el* совершенно неизвѣстно ни въ одномъ изъ арамейскихъ діалектовъ ¹⁾. Выраженіе **בְּנֵי רַבֵּעַ** (въ той-же строкѣ) должно обозначать по мнѣнію всѣхъ трехъ ученыхъ то же, что библ. *pluralis רַבְעִים* въ выраженіи **עַל שְׁלֹשִׁים וְעַל רַבְעִים** (Исх. 20. 5; 34. 7 и друг. под.); никто изъ изслѣдователей не объяснилъ, однако, ясно, что за именную форму представляетъ и что собственно обозначаетъ нашъ *singularis רַבֵּעַ* ²⁾. Группа **בְּכוּן** въ концѣ 5-й строки по Клермонъ-Ганно и Галеви должна значить то же, что еврейско-арамейское **בְּכוּן** или **בְּכוּן** таргумовъ (находится уже въ библ. текстѣ въ Экклез. 8. 10 и Эсф. 4. 16), т. е. «tunc, sic» и т. п.; по Гофману **בְּכוּן** = **בְּכוּנִי**, т. е. перфектъ отъ глаг. **בָּכָה** «плакать» въ *Qal* или въ *Pa'el* съ мѣстоим. суфф. Въ 6-ой строкѣ загадочное **יִוְרוּ** пытался объяснить собственно только Гофманъ. Галеви рѣшительно признаетъ это сочетаніе невозможнымъ: «de mot יִוְרוּ présente une forme impossible, il doit être ramené à יוֹמְרוּ *ce jour-là*»; опущеніе **מ** на письмѣ произошло по Галеви вслѣдствіе превращенія его въ слабый носовой звукъ (une nasalisation légère). Примѣровъ такого явленія въ древнихъ семитическихъ діалектахъ Галеви, къ сожалѣнію, не приводятъ. По Клермонъ-Ганно **יִוְרוּ** слѣдуетъ считать, несмотря на странное правописаніе, за 3 л. множ. числа имперфекта *Qal* отъ глаг. **הָרָה**, т. е. за особенную, «правильную или неправильную», форму вмѣсто обычной **יָהָרוּ** ³⁾. Клермонъ-Ганно считаетъ возможнымъ допустить такую форму отъ **הָרָה** въ виду того обстоятельства, что «въ языкѣ Талмуда этотъ глаголь претерпѣваетъ всевозможныя видоизмѣненія въ орфографіи». Но ни въ одномъ арамейскихъ нарѣчій, насколько

1) Клермонъ-Ганно справедливо считаетъ **מ** въ **מַחֲהָה** весьма стѣснительнымъ для пониманія, замѣчая, что «s'il n'existait pas, la phrase **וְרַבְעִינִי הָהָה אָנָּה** «et de mes yeux je vois» ou «j'ai vu», irait fort bien». Конечно, именно поэтому Галеви и Гофманъ отдѣляютъ **מ** отъ **הָהָה**. Къ **מַחֲהָה** = **הָהָה מַחֲהָה** можно указать на **מָן** = **מָן** + **מָן** «то, что» въ асджраійскихъ надписяхъ, см. напр. въ надписи Панамму (на статуѣ Гадада) въ строкѣ 4: **לִי יִתְנוּ אֱלֹהֵי יִתְנוּ לִי רִמְוִן אֲשָׁאֵל מִן אֱלֹהֵי יִתְנוּ לִי** «и того, что они будутъ просить, пусть не дасть ему Гададъ.» (срв. въ стр. 12 тамъ же: **וְרַמְוִן אֲשָׁאֵל מִן אֱלֹהֵי מַת יִתְנוּ לִי**, гдѣ мы понимаемъ **מַת** = финик. **הַמַּת** = евр. **הַמָּה** «они»).

2) Галеви и Клермонъ-Ганно не пытаются даже объяснить *singularis רַבֵּעַ*, ограничиваясь сопоставленіемъ **רַבְעִים** = **בְּנֵי רַבֵּעַ**. Гофманъ замѣчаетъ только: «in Nêrab ist **רַבֵּעַ** nicht Adjectivum, also wohl anderer Form» (т. е. иная, чѣмъ **שָׁלֵשׁ** и **רַבֵּעַ** въ библейскихъ формахъ).

3) Étud. d'archéol. orient. II, p. 203 ss: «correcte ou non, cette forme correspond à une prononciation particulière, impliquant pour la première syllabe une vocalisation *ou* ou *au*: *yauhou*, *yauhou?*»

намъ извѣстно, подобная орфографія не встрѣчается ¹⁾. Никакихъ другихъ доводовъ, однако, въ пользу возможности существованія такой формы въ древнѣйшихъ діалектахъ Клермонъ-Ганно не приводятъ. Мы считаемъ оба приведенныхъ объясненія прямо невозможными ²⁾. Болѣе серьезнымъ представляется намъ мнѣніе Г. Гофмана, который видитъ въ ירה междометіе, тождественное фонетически съ эдесскимъ ³⁾ ܝܪܗ въ Пешпттѣ (Іер. 25. 30 и 48. 33) и стоящее въ тѣсномъ родствѣ еще съ нѣкоторыми семитическими частицами, употребляющимися при восклицаніяхъ. Противъ такого пониманія ничего нельзя, конечно, возразить, такъ какъ междометія во всѣхъ языкахъ способны принимать самыя причудливыя формы, и почему бы напр. существованіе восклицанія ירה въ ирабскомъ нарѣчій могло подлежать какому-либо сомнѣнію? Но мы полагаемъ, — да и самъ Гофманъ, повидимому, согласенъ съ этимъ ³⁾, — что для сохраненія предшествующаго ככון въ значеніи «они оплакиваютъ меня» необходимо отдѣлать начальное י въ 6-й строкѣ отъ послѣдующаго и соединить съ ככון въ концѣ 5-ой строки, т. е. читать בכוני (срв. שמוני въ 7-ой строкѣ); въ такомъ случаѣ, однако, созданное Гофманомъ междометіе ירה распадается. Слѣдующая за загадочнымъ ירה группа מאת המו всѣми изслѣдователями понимается одинаково, причемъ מאת принимается, повидимому, за *stat. absolut.* и за сказуемое къ המו (мѣстоим. личн. 3 л. множ. числа = המו въ Кн. Эзры 5. 11 и т. п.) ⁴⁾.

Изъ этихъ объясненій всѣ сколько-нибудь занимавшіеся семитическою филологіею въ состояніи, кажется, сами усмотрѣть, на какомъ непроч-

1) О всевозможныхъ формахъ имперфекта отъ глаг. ירה въ арамейскихъ діалектахъ см. E. Kautzsch, *Grammat. d. Bibl.-aramäischen*, p. 79; G. Dalman, *Grammat. d. jüdisch-palästin. Aramäisch*, p. 294; J. Petermann, *Brevis linguae Samarit. gramm.*, p. 50; Th. Nöldeke, *Ueber d. christlich-palästin. Dialect* въ *Zeitschr. d. D. Morg. Ges.* XXII, p. 503; Th. Nöldeke, *Kurzgef. Syr. Gramm.*, p. 122; Th. Nöldeke, *Mand. Gramm.*, p. 267.

2) Намъ удивляетъ, что именно объясненіе Галеви (ירה = יום) менѣе другихъ обоснованное, пошло предпочтительно предъ остальными въ словарь С. Кука (S. Cook, *A Glossary of the aramaic Inscriptions* p. 59).

3) «Am leichtesten würde sein ככוני ירה מאתהמו *beweinem mich und zwar ihrer Hundert*». При такомъ дѣленіи словъ (принятомъ и Лидзбарскимъ въ его недавно вышедшемъ въ свѣтъ *Handbuch d. nordsem. Epigraphik* I p. 445) ירה могло бы, по мнѣнію Гофмана, относиться къ רבע, а מאתהמו (въ одномъ словѣ) представляло бы сказуемое къ нему. Являлась бы возможность такимъ образомъ избѣгнуть необходимости допустить въ нашей надписи *stat. absolutus* женскаго рода на ל, такъ какъ מאתהמו можно было бы сопоставить съ תלתיהון въ Дан. 3, 23 и т. д. Тѣмъ не менѣе читаемъ далѣе (l. c. p. 224 ss.): «aber wenn die Trennung der Wörter bei Hal. sich bestätigt, so giebt ירה als Freudenruf über die grosse Zahl den besten Sinn».

4) Впрочемъ, Г. Гофманъ неохотно примиряется съ этимъ *stat. absol.* на ל (см. предыдущее замѣч.). По нашему мнѣнію, оба оборота, какъ המו מאת = «они суть сотня», такъ и מאתהמו (слитно) = «сотня ихъ» одинаково тяжелы въ синтаксическомъ отношеніи.

номъ фундаментѣ выстроены приведенные нами переводы 5-й и 6-й строкъ II ириабской надписи и въ какой степени они могутъ считаться окончательно установленными. Но кромѣ частныхъ они имѣютъ, по нашему мнѣнію, еще и одинъ болѣе общій серьезный недостатокъ, именно тотъ, что не заботятся объ установленіи внутренней связи между отдѣльными частями надписи. Какъ каждый можетъ ясно замѣтить, вся дальнѣйшая часть нашей надписи (начиная съ **ולשמו** въ 6-й строкѣ), гдѣ говорится, что покойнаго похоронили безо всякой утвари, а только съ платьемъ и т. д., остается безо всякой видимой связи съ предшествующими словами, въ которыхъ умершій долженъ выражать радость по случаю многочисленности своего потомства. Между тѣмъ обѣ части связаны союзомъ **ו**, что указываетъ на ихъ нѣкоторое взаимное соотношеніе. Въ виду всего этого, мы, естественно, никакъ не могли удовлетвориться предложенными другими исследователями переводами и пытались сами поискать рѣшеніе загадки, представляющейся въ 5-й и 6-й строкахъ нашей надписи, при помощи какой-либо группировки буквъ. Исходной точкой намъ служила здѣсь глаг. форма **בכוני**, для полученія которой, какъ мы уже замѣтили выше, безусловно необходимо отдѣлнить букву **י** въ началѣ 6-й строки отъ послѣдующаго и соединять съ группою **בכונ** въ концѣ 5-й строки. Благодаря этой комбинаціи мы пришли къ совершенно иному дѣленію словъ въ первой половинѣ 6-й строки, чѣмъ все другіе исследователи. Отдѣленіе буквы **י** отъ загадочной группы **ירה** открыло намъ два древнихъ арамейскихъ слова, прекрасно подходящихъ къ контексту, причемъ реальное существованіе ихъ въ арамейскихъ нарѣчіяхъ несравненно легче доказать, чѣмъ существованіе напр. имперфектной формы **ירה** = **יהרו** и т. п. Прежде всего выдѣлилась перфектная форма 3 л. множ. ч. возвратной основы, **אתהמו**, синтаксически равноправная какъ съ предшествующимъ ей перфектомъ **בכוני**, такъ и съ послѣдующимъ перфектомъ же **שמו**[ול]. Послѣ такого выдѣленія оставалась только группа **רהום**, которая уже не представляла большихъ трудностей для пониманія. Мы въ ней тотчасъ признали союзъ **ו** и древнюю арамейскую форму личнаго мѣстоименія 3 л. муж. рода **הום**. Въ отдѣльной формѣ она не сохранилась ни въ одномъ изъ вообще извѣстныхъ арамейскихъ діалектовъ, но въ качествѣ суффикса при именахъ, глаголахъ и частяхъ еще встрѣчается нерѣдко въ древнихъ арамейскихъ эпиграфическихъ и литературныхъ памятникахъ¹⁾. Впрочемъ, если-бы не сохра-

1) Суфф. **הם** (**הום**) употребляется еще часто въ арам. частяхъ книгъ Эзры и Даниила (напр. **ראשיהם** Эзр. 5, 10, **שמחהתהם** Эзр. 5, 10, **עליהם** Эзр. 7, 24, **להום** Эзр. 5, 3 и др. п. на ряду съ **להון**, **עליהון**, **בניהון**, **נשירהון**, и т. д.), находится и въ еще болѣе, мо-

нился ни въ одномъ изъ памятниковъ даже и мѣстоим. суфф. הוּם (הם), самостоятельное личное мѣстоименіе 3 л. множ. ч. הוּם (или הם), эквивалентъ евр. формы הָם и араб. هُمْ, слѣдовало бы а priori предположить для арамейской вѣтви семит. языковъ. Но разъ реально существуетъ древне-арамейскій суффиксъ הַם (הוּם), то уже, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что ему предшествовала по времени соответствующая самостоятельная форма. Последняя была, по всей вѣроятности, очень рано вытѣснена изъ употребленія удлинненной формой הַמוּ (= евр. הַמָּה), которую находимъ въ библ.-арамейскомъ въ Книгѣ Эзры (но въ Книгѣ Даниила еще болѣе сложная форма הַמוֹן); въ свою очередь и форма הַמוּ была вытѣснена позже, какъ извѣстно, составною формой אַנוּן = эдесск. اِنُنْ (п. اِنُنْ) и т. п. Мы увѣрены такимъ образомъ, что недоуловіе, съ которымъ всѣ болѣе или менѣе осторожные семитологи, вполне естественно, вначалѣ отнесутся къ воскрешаемому нами архаичному личному мѣстоименію הוּם (הם), уступить затѣмъ мѣсто убѣжденію, что такая форма дѣйствительно *реально* существовала и что именно она, а не другая, и должна была существовать въ древнѣйшемъ арамейскомъ языкѣ ¹⁾).

жесть быть, древнемъ арамейскомъ отрывкѣ въ Книгѣ Іеремін (въ הוּם «имъ» 10, 11) и падаетъ еще изрѣдка въ палестинскихъ таргумахъ (напр. въ הוּם, הוּם, הוּם, הוּם, הוּם, и т. п., см. Dalman, Gramm. d. jüdisch-paläst. Aramäisch pp. 80, 98, 157, 178, 184). Что касается надписей, то суфф. הַם находится уже въ строгельной надписи Баррехабъ изъ Зенджирли (VIII в.) и господствуетъ, какъ извѣстно, въ набатейскихъ надписяхъ (см. замѣчанія Нельдеке въ J. Euting, Nabatäische Inschriften aus Arabien, p. 77). Наконецъ, этотъ суфф. находится еще въ одномъ изъ египетско-арамейскихъ папирусовъ Блакъ (Corp. Inscr. Semit. pars II t. I № 145 A. Но въ большинствѣ арамейскихъ діалектовъ форма הוּם и въ качествѣ суффикса была вытѣснена второбразнымъ הַמוּ, образованнымъ, по нашему мнѣнію, по аналогіи соответствующей формы женскаго рода הַמּוֹ (такого же мнѣнія Д. Г. Мюллеръ въ Wiener Zeitschr. für d. Kunde d. Morgenl. 1893, p. 124 и Линдбергъ, Vergleich. Grammat. d. Semit. Sprachen, p. 105 ss; иначе Циммернъ, Vergleich. Grammat. d. semit. Sprachen, p. 68 и Филиппи, Wesen u. Ursprung des Stat. Constructus etc., p. 183). Мы убѣждены, что, какъ буква הַם искони служила въ семитическихъ языкахъ характеристической особенностью *мужской формы* личнаго мѣстоименія 3 лица множ. ч., такъ буква מַם служила искони такую же характеристической особенностью соответствующей *женской формы* (הַם, הַמּוֹ, הַמּוֹ, הַמּוֹ, срв. A. Meux, Grammatica Syriaca pp. 172—173). Позже это различіе было сглажено. То же отношеніе между обѣими формами было и въ мѣстоименя. суфф. 2 лица множ. числа и точно также это первоначальное различіе было постепенно сглажено въ араб. діалектахъ, по древняйшей формѣ הַם еще употребляется иногда въ книгѣ Эзры (напр. въ הַם 7.17 и הַם 5.3, 5.9 и 7.24) и въ палестинск. таргумахъ (см. Dalman, l. c. pp. 79, 162, гдѣ, къ сожалѣнію, не приводится примѣровъ). Если чтеніе Д. Мюллера вѣрно (см. Wiener Zeitschr. für d. Kunde d. Morgenl. 1893 p. 67), то форма הַם находится уже въ надписи Пауамму изъ Зенджирли (строка 29: הַם אַמְרֵי אַחֵיךָ «sagt euer Bruder»).

1) Мы не ожидаемъ возраженій по поводу поражающей съ перваго взгляда *scriptio plena* въ הוּם. Она, конечно, указываетъ на присутствіе въ этомъ словѣ первоначально-долгой гласной, т. е. = hûm (hôm?). Такъ какъ происхожденіе формъ личнаго мѣстоим.

Кромѣ этой любопытной находки архаичнаго мѣстоименія הַם (הוּם), мы получили далѣе, благодаря новому дѣленію словъ, къ величайшему нашему удивленію еще архаичный арамейскій глаголь אַתְּהָמוּ. Насколько намъ извѣстно, глаголь этотъ исчезъ почти безслѣдно изъ обихода арамейскихъ діалектовъ и сохранился исключительно въ еврейско-арамейскомъ нарѣчій таргумовъ, гдѣ еврейское выраженіе הִתְנַדֵּד «дѣлать нарѣзы, шрамы на тѣлѣ (по умершемъ)» систематически передается, и только въ этомъ ритуальному значеніи ¹⁾, *всегда* (начиная съ таргума Онкелоса) *однимъ и тѣмъ же глаголомъ* אַתְּהָמוּ, неизвѣстнымъ вообще въ другихъ діалектахъ ²⁾. Этотъ самый глаголь долженъ, по нашему убѣжденію, скрываться и въ полученной нами формѣ אַתְּהָמוּ, которая грамматически будетъ соответствовать формѣ אַתְּהָמוּ таргумовъ (напр. въ пророч. таргумѣ въ I Цар. 18. 28 или Іер. 49. 3) въ значеніи свр. הִתְנַדֵּד, т. е. «дѣлалъ себѣ на

3 лица въ семитич. языкахъ еще остается темнымъ, то возможны всякія предположенія и форма съ долгимъ ה (ô ?) имѣть такое же право на существованіе, какъ и другія семитическія, соответствующія ей, формы הָם и הֵם. Замѣтимъ здѣсь, что именно такую форму съ первоначально-долгимъ ה (только съ согласной ה, т. е. hūna) считаетъ напр. Филиппи (Wesen und Urspr. des Stat. Constr. im Hebr., p. 183) на основаніи чисто-теоретическихъ соображеній за первоначальную обще-семитическую форму для личн. мѣстоим. 3 л. множ. числа. Арабская форма هُمъ съ краткой гласной, не можетъ быть, конечно, выставлена въ видѣ аргумента противъ этого; здѣсь сказалось дѣйствіе того же, спеціально-арабскаго, фонетическаго закона, который вызвалъ сокращеніе первоначально-долгой гласной въ повелит. قُمْ = كُمْ, قُمْ = كُمْ, قُمْ = كُمْ (qūm) и т. п., см. напр. Zimmerh, Vergleich. Grammat. d. semit. Sprachen, p. 51.

1) Но напр. въ Іер. 5, 7 и Мих. 4, 24 свр. глаг. הִתְנַדֵּד передается въ таргумѣ арамейскимъ אַתְּהָמוּ «собираться въ кучу».

2) Мѣста приведены въ Chald. Wörterb. über d. Targum. etc. д-ра Леви s. v. Слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ печатн. издд., а равно и въ нѣкоторыхъ рукк. находится ошибочное чтеніе אַתְּהָמוּ съ П вм. ה (см. у Леви въ указ. мѣстѣ, а также А. Berliner, Targum Onkelos II, p. 53) и мы должны сознаться, что для защиты принятаго нами и упомянутыми учеными чтенія, кромѣ свидѣтельства рукописей, писанныхъ квадратнымъ еврейскимъ письмомъ и допускающихъ всегда возможность предположить смѣшеніе сходныхъ буквъ П и ה, другой поддержки не имѣется; только наша надпись, писанная алфавитомъ, гдѣ буквы П и ה строго различаются, убѣдительно говоритъ въ пользу чтенія אַתְּהָמוּ и т. д. Судя по постоянной орфографіи съ двумя ה, мы имѣемъ дѣло, повидному, съ одною изъ возвратныхъ основъ глаг. корня הָמוּ, хотя въ виду ненадежной вокализации текста таргумовъ трудно сказать есть-ли это простая возвратная основа (къ Qal) = אַתְּהָמוּ, подобно אַתְּהָמוּ (А. Merx, Chrest. Targum., p. 175) или усиленно-возвратная основа = אַתְּהָמוּ, подобно אַתְּהָמוּ; срв. примѣры отъ обѣихъ основъ отъ корней אַתְּהָמוּ у Дальмана I. с. pp. 276—277. Что касается самого корня הָמוּ, то мы думаемъ, что онъ въ родствѣ съ араб. هَمَّ «laceravit vestem»; не сюда ли принадлежитъ и существ. הַמָּה «евнухъ» отъ глаг. корня הָמוּ (или הָמוּ) = הָמוּ, הָמוּ, хотя по мнѣнію проф. Нельдеке (см. Wiener Zeitschr. für d. Kunde d. Morgenl. 1898, p. 361) это слово значить «ursprünglich der Zuverlässige (Passiv-Part.), einer der vielen Euphemismen für diese Leute».

гѣлѣ шрамы»¹⁾. Весьма распространенный у дпкяхъ и даже полукультурныхъ народовъ древній обычай причивать себѣ увѣчье и наносить себѣ раны на гѣлѣ, въ видѣ умиловительнаго обряда, при похоронахъ знатнаго или же близкаго лица очень хорошо извѣстенъ. Онъ былъ напр. въ употребленіи у языческихъ арабовъ (см. Wellhausen, Reste arab. Heidenthumes, p. 160) и совершается даже понынѣ фанатиками шіитами въ Персіи во время драматическихъ представленій въ память смерти Хусейна въ праздникъ Мухаррема (см. напр. Dozy, Essai sur l'hist. de l'Islam, p. 468). Стоятъ только припомнить извѣстныя библейскія мѣста, какъ Втор. 14. 1: «Вы—сыны Господа Бога вашего; *не дѣлайте нарѣзовъ* (на гѣлѣ вашемъ) и не выстригайте волосъ надъ глазами вашими по умершемъ», или Иерем. 16. 6: «И умрутъ великіе и малые на землѣ сей; и не будутъ оплакивать ихъ, *ни терзать себя*, ни стричься ради нихъ» и мног. друг. под., чтобы видѣть, что обычай похоронныхъ кровопусканій былъ одно время распространенъ даже у евреевъ и, повидному, въ библейскую эпоху господствовалъ у племенъ, населявшихъ Сирію и Палестину. Послѣ этого становится вполне понятнымъ, что въ нашей надписи покойный жрецъ отмѣчаетъ совершеніе по немъ главнѣйшихъ похоронныхъ обрядовъ, т. е. плача и умиловительныхъ изувѣченій по умершемъ. На ряду съ чисто ритуальнымъ, кажется, выраженіемъ בכרני (въ усиленной основѣ)²⁾ присутствіе ритуальнаго же выраженія אהמו = אהמו, какъ нельзя болѣе, кстаті. Исчезновеніе глагола אהמו изъ употребленія и объясняется, можетъ быть, именно его ритуальнымъ значеніемъ. Съ постепеннымъ исчезновеніемъ самого обряда умиловительныхъ кровопусканій по умершемъ постепенно былъ забытъ и специальный terminus technicus. Намъ остается еще только грамматически объяснить форму אהמו, т. е., собственно говоря, отсутствіе втораго מ. Обыкновенно въ араб. діалектахъ глаголы ע"ע, даже въ простой возвратной основѣ, по правилу удерживаютъ одинаковыя коренныя на письмѣ, хотя во многихъ діалектахъ попадаются нерѣдко случаи упрощеннаго правописанія, т. е. съ опущеніемъ одной изъ одинаковыхъ корен-

1) Значеніе «дѣлать себѣ нарѣзы, шрамы» для глагола אהמו ясно вытекаетъ особенно изъ I Пар. 18. 28, гдѣ въ пророч. таргумѣ читаемъ: ואתהמו כנימוסיהון דמא עליהון במסיפין וברומחין עד דאשתפיך דמא עליהון. т. е. «и наносили себѣ раны, согласно своимъ законамъ, пока по нимъ не стала литься кровь». Другое значеніе въ этомъ мѣстѣ невозможно и мы считаемъ слишкомъ смѣлымъ обобщеніе извѣстнаго Эліугу га-Леви въ его ספר מתורגמן а. в., который привелъ библ. мѣста, гдѣ вообще встрѣчается глаголь אהמו въ таргумахъ, замѣчаетъ רבין וקבין המיה וקבין.

2) Срв. въ зенджирійской надписи Баррехаба (на статуѣ Панаяму) въ строкѣ 17: מנכות אשור ורבכיה איחה (?) מלכו ובכיתה מחנת מראה מלך אשור אה התמו; Иер. 31, 15 (съ предл. ועל): רחל מבכה על בניה.

ныхъ ¹⁾. Мы предпочитаемъ, однако, видѣть въ нашемъ мѣстѣ скорѣе случайный пропускъ буквы **מ** (такой же недосмотръ представляетъ, по всей вѣроятности, и правописаніе имени Баррехаба **ברכב** съ однимъ **ר**, вмѣсто **בררכב**, въ I земджирл. надписи Баррехаба стр. 19; срв. въ той-же надписи стр. 1 **בררכב**) и за указаніе на это считаемъ упомянутую нами выше мелочную подробность въ надписи, т. е. надстрочную горизонтальную черту надъ буквой **מ** въ группѣ **אתהמו**, оставленную безъ объясненія другими изслѣдователями. Мы полагаемъ, что имѣемъ дѣло здѣсь не съ одною изъ случайныхъ трещинокъ или царапинъ въ камнѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ письменами, но со значкомъ, сдѣланнымъ умышленно, съ цѣлью обратить вниманіе на пропускъ или вообще на нѣкоторый недосмотръ въ текстѣ. Наша надстрочная черта по своему широкому значенію напоминала бы надстрочную черту, замѣчаемую въ самарит. рукк. и не имѣющую, какъ извѣстно, строго опредѣленнаго служебнаго назначенія ²⁾. Во всякомъ случаѣ нѣтъ особенной нужды прибѣгать для объясненія нашей формы къ какому-либо иному глаг. корню, напр. **הום** (или **הים**) = **המם** и т. п., и видѣть въ **אתהמו** *scriptio defectiva* вмѣсто **אתהימו** и т. д.

Мы предлагаемъ такимъ образомъ слѣдующій переводъ конца 5-й и начала 6-ой строки нашей надписи въ связи съ тѣсно связанными съ этимъ синтаксически и логически дальнѣйшими словами **ול שמו עמי מאן כסף** **ונחש** (въ 6-й и 7-й строкахъ), не представляющими затрудненія для пониманія: «И своими (собственными) глазами я видѣлъ дѣтей четвертаго поколѣнія (?) ³⁾. Они оплакали меня и причиняли себѣ увѣчые (по мнѣ), а не поло-

1) См. для эдесскаго нарѣчія Th. Nöldeke, Kurzgef. Syr. Grammat.¹, p. 117 и для мандейскаго Th. Nöldeke, Mand. Gramm., p. 252; другіе примѣры того и другого явленія въ глаг. корняхъ **ע"ע** приведены у О. Линдберга въ его трудѣ Vergleich. Gramm. d. semit. Sprachen, pp. 155 ss.

2) См. J. Petermann, Brevis linguae Samarit. Grammat., p. 6: «Linea diacritica, eaque plana (horizontalis) s. paulum obliqua litteris vocum praesertim mediis superposita, quae lectorem admonet, ut animum bene attendat ad hanc vocem, quae notionem seu formam extraordinariam habet»; срв. S. Kohn, Samaritan, Studien, p. 45 Anm., гдѣ приводится напр. **אלה** съ диакрит. чертой надъ **ה**, указывающей, по мнѣнію Кона, что въ концѣ слова недостаетъ буквы, т. е. что слѣдуетъ читать **אלהה**.

3) За неизмѣнимъ другого лучшаго объясненія приходится остановиться на пониманіи **בני רבע** = библ. **רבעים** (см. выше), хотя *singularis* **רבע** намъ совсѣмъ не нравится. Не можетъ-ли обозначать здѣсь **רבע** что-нибудь въ родѣ «жилище, мѣсто жилья» = араб. **رَبْعٌ** «habitatio, domicilium» (Th. Nöldeke, Delectus veter. carminum arabicor., p. 154) и не въ такомъ ли значеніи оно употреблено въ библейскомъ текстѣ въ темномъ мѣстѣ Числъ 23, 10 (**וּמִסְפַּר אֶת רֵבַע יִשְׂרָאֵל**), гдѣ, если читать вмѣстѣ съ Дилльманомъ (по LXX) **רבע** **ומי ספר** получается смыслъ: «кто сосчиталъ прахъ Иакова и кто исчислилъ жилища (**רבע** *singul.* въ собират. значеніи) Израиля?» Въ такомъ случаѣ **בני רבע** въ нашей надписи можно было-бы сопоставить съ сирійск. **ܥܢܕ ܐܢܝܢܐ** «populares mei» (у Гезеніуса въ

жили со мною (ни одного) сосуда ¹⁾ (ни) изъ серебра, ни изъ мѣди». Не смотря на все неудобство принять *Pa'el* за причастіе *Pa'el* отъ *הזה* ²⁾, мы рѣшились въ интересахъ пониманія цѣлаго остановиться на этомъ, все-же наиболѣе естественномъ и научно болѣе обоснованномъ объясненіи. Пятая строка, на что указываетъ и параллелизмъ *פמי* съ *בעיני*, логически тѣснѣе связана съ предшествующею 4-ою строкою, чѣмъ съ послѣдующимъ ³⁾. Покойный, очевидно, хотѣлъ выразить, что до конца своей жизни, можно сказать до самой послѣдней минуты, онъ наслаждался полнымъ здоровьемъ и умеръ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, *быстрою, безболѣзненною* кончиною — верхъ возможнаго для человѣка счастья и по библ. воззрѣніямъ, напр. въ Іов. 21. 13: *בטוב ימיהם וברגע שאול יתרו יבלו* «проводить дни свои въ счастья и мгновенно нсходятъ въ преисподнюю».

Слѣдующія далѣе слова *עם לבשי שמוני למען לאחרה ל תהנם ארצתי* составляютъ естественное продолженіе предшествующаго. Покойный объясняетъ причину этого необычайнаго упущенія относительно утвари и посуды, необычайнаго въ виду соблюденія родными всѣхъ другихъ погребальныхъ обрядовъ и сдѣланнаго, по всей вѣроятности, согласно его собственной предсмертной волѣ. Мы принимаемъ *למען* (въ 7-й строкѣ) вмѣстѣ съ Галеви и Клермонъ-Ганно за союзъ = евр. *לְמַעַן* «чтобы», а выраженіе *ל תהנם לאחרה* за страдательный оборотъ съ логическимъ подлежа-

Thesaur. s. v. *בננה*), срв. также евр. *בני המדינה* (Ээр. 2, 1), *בני בית* (Экклез. 2, 7) и мног. друг. под.

1) Срв. употребленіе слова *מאן* рядомъ съ *לבוש*, напр., въ арамейск. текстѣ Книги Товита (на стр. 14 въ изд. А. Нейбауера): *עכדון והמרון וגמלין עאן ותורין ולבושין ומאנין דכסף ורדה* и *דכסף ורדה*. Мы не думаемъ, чтобы въ нашей надписи подъ *לבש* разумѣлось особое погребальное одѣяніе, саванъ (Кл.-Г. «avec mon linceul»).

2) Неудобство это заключается главнымъ образомъ, какъ мы уже замѣтили выше, въ томъ, что глаг. *הזה* въ *Pa'el* совершенно не употребителенъ въ известныхъ намъ арамейскихъ діалектахъ. Что касается употребленія причастія въ значеніи *verbum finitum* для обозначенія совершившагося дѣйствія, то съ точки зрѣнія семитич. синтаксиса это вполне возможно (см. напр. библ. примѣры въ Kautzsch-Gesenius, Hebr. Gramm. ²⁶ p. 352).

3) Мы считаемъ очень смѣлою попытку Г. Гофмана оторвать 5-ую строку отъ 4-ой и связать ее съ послѣдующимъ, такъ что слова *אנה בני רבע ככון יהוה* и *ובעיני מחזה* должны представлять собственную рѣчь, т. е. тѣ самыя слова (*מלן*), которыя произнесъ покойный въ моментъ смерти (Гофманъ переводитъ такъ 4-ую строку: *Zur Zeit, da ich starb, enthielt sich mein Mund nicht zu sprechen: «Und mit meinen Augen etc.»*). Противъ такого пониманія мы замѣтимъ, что 1) 5-ая строка едва-ли можетъ представлять прямую рѣчь, такъ какъ начинается союзомъ *ן* «и» въ словѣ *ובעיני*; 2) при отдѣленіи 5-ой строки отъ 4-ой уничтожается явный параллелизмъ выраженной *מן מלן* (въ 4-ой строкѣ) и *אנה* *ובעיני מחזה* (въ 5-ой строкѣ); 3) наконецъ, слово *מלן* въ концѣ 4-ой строки грамматически ничѣмъ не опредѣлено и въ простомъ повѣствованіи можетъ обозначать поэтому только слова, рѣчи *вообще*, а не *известныя* слова (т. е. = «die Worte» = *הדברים*); въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы ожидать въ нашей надписи еще какого-либо ближайшаго указанія въ родѣ *ואמרת* «и я сказалъ» и т. п., какъ напр. мы это видимъ въ библ. мѣстѣ Іезек. 88. 10—11: *ביום ההוא יעלו דברים על לבנך וחשבת מחשבת רעה ואמרת*.

щимъ אהרה¹⁾, и переводимъ фразу: «[Только] съ одеждою моею (= находящеюся на мнѣ) они меня положили съ тою цѣлью, чтобы [никѣмъ] другимъ не была похищена гробница моя»²⁾.

Послѣднія строки нашей надписи представляютъ обычное обращеніе покойнаго къ нарушителю его посмертнаго покоя, сходное по содержанію съ заключеніемъ первой надписи. Здѣсь всѣ слова ясны и всѣ изслѣдователи согласно переводятъ: «Ты, который причинишь насиліе и ограбишь меня³⁾, да сдѣлаютъ Сахръ, Никкаль и Нускъ злою кончину его⁴⁾ (т. е. такого человѣка) и потомство его⁵⁾ да погубитъ!» Заключенія обѣихъ надписей, начинающіяся съ אהרן, и угрозы осквернителю могилы

1) Срв. въ еврейско-арамейскомъ יתעביר לכון «пусть будетъ вами сдѣлано» и т. п. (Dalman, l. c., p. 178), или въ сирійскомъ אס ספספססס «они были обучены имъ» и т. п. (Nöldeke, Kurzgef. Syr. Gramm. I p. 170), или подобные же примѣры изъ мандейскаго нарѣчія (Nöldeke, Mand. Gramm., p. 355).

2) Галеви и Гофманъ начинаютъ съ תהנם ל новое предложеніе: «Ne déplace pas mon sarcophage» (Галеви) — «Beraube nicht mein [Todten]bett (Гофманъ). Предшествующія слова למען לאהרה Галеви переводитъ: «afin que je ne me fâche pas», т. е. לאהרה = לא אהרה; но употребленіе глаг. אהרה безъ существ. אה и въ личной конструкціи безусловно невозможно. Совершенно иначе, чѣмъ всѣ, понимаетъ למען Гофманъ, разлагая эту группу на מען ל въ значеніи «niets» (מען = מענה — должно значить то же, что ענין въ Экклез. 1, 13 и т. д.) и переводитъ поэтому למען לאהרה = «niets für einen Aadern». Предлагаемое тѣмъ же ученымъ другое объясненіе: מען есть причастіе Aph'el отъ глаг. ענה (= מענה въ Экклез. 5, 19, гдѣ Пешитта переводитъ אסססס), такъ что מען ל значило-бы «es geht keinen andern an», положительно невозможно для ирабскаго нарѣчія, гдѣ судя по формамъ ויהאשו ויהאברו (см. выше на стр. 150) существовала лишь основа Haph'el съ неисчезающимъ изъ произношенія и письма ה и гдѣ соответствующее эдесскому אסססс прич. звучало бы מהענה (срв. מהעדה ומהשנא Дан. 2, 21 и מהקים тамъ-же). Отъ Клермонтъ-Ганно мы отступаемъ только въ пониманіи слова לאהרה; послѣдній принимаетъ это за нарѣчіе = «par la suite», что, конечно, также возможно, но въ такомъ случаѣ אהרה въ обоихъ мѣстахъ въ надписяхъ будетъ представлять совершенно различный по смыслу слова, чего лучше было бы избѣгнуть. Форму תהנם мы принимаемъ за древній араб. passivum (см. примѣры изъ библ.-арамейскаго и особенно изъ палмырскаго у Райта, Lectures on the comparat. Gramm. of the semit. Language, p. 224 ss.

3) Клермонтъ-Ганно и Галеви и здѣсь удерживаютъ для תהנם значение «détourner» (Клермонтъ-Ганно) и «déranger» (Галеви), см. наше замѣч. выше на стр. 154.

4) Форма ממתת[ה] остается грамматически для насъ темна. Она очевидно въ связи съ евр. plurale tantum ממותים «обстоятельства смерти» (въ Іер. 16, 4 ממותי תחלאים и Іезек. 28, 8 ממתה ממותי חלל) и арамейскимъ singul. ממותא въ томъ же значеніи въ таргумахъ (напр. въ Іезек. 28, 10 ממת רשיעין תמות) и др. п.; обыкновенно этимъ словомъ передаются евр. pluralia tant. ממותים и מותים). Судя по femin. ארצתא (= ערסא) можно было-бы, конечно, допустить въ ирабскомъ диалектѣ существованіе femin. ממתתא, соответствующаго mascul. ממותא таргумовъ, и всѣ изслѣдователи видятъ въ данной формѣ singul., но во всякомъ случаѣ такая именная форма остается необычайной и недоказанной.

5) Въ формѣ אהרתא (съ суф-ф.) мы видимъ библ. אהרית въ значеніи «потомство» (см. Ам. 4, 2; 9, 1; Дан. 11, 4 и т. п.).

очень напоминают подобныя же заключенія нѣкоторыхъ вавилонскихъ надписей и сидонскихъ саркофаговъ Табитта и Эшмуназара ¹⁾.

Мы предлагаемъ на основаніи всего вышесказаннаго (съ указаннымъ оговоркамъ) слѣдующій текстъ и переводъ второй иирабской надписи:

שֹׁמְרֵי	1
כָּמֶר שְׁהָר בְּנֶרֶב	
וְזֶה צְלָמָה . כִּצְדֻקְתִּי קִדְמוֹה	2
שְׁמֵנִי שֵׁם טֹב וְהֵאֲרִיךְ יוֹמֵי	3
בְּיוֹם מָתַת פִּמִּי לְאֶתְאָחוֹ מִן מְלֶךְ	4
וּבְעֵינַי מִחוּזָה אֵנָּה בְּנֵי רִבְעָ . בְּכוֹן	5
י וְהוּם אֶתְהֶמְּוּ וְלֹ שְׁמוֹ עִמִּי מֵאֲן	6
כִּסְף וְנֶחֱשׁ עִם לְבָשִׁי שְׁמוֹנִי לְמַעַן	7
לְאַחֲרָה לְתַהֲנֵם אֶרְצָתִי . מִן אֶת תַּעֲשֶׁק	8
וְתַהֲנֵסֵנִי שְׁהָר וְנִכְל וְנֶשֶׁךְ יִהְבְּאָשׁוּ	9
מִמַּתְתָּה וְאַחֲרָתָה תֵּאֲכֹר .	10

1. *Ашбара, жреца Сашра въ Нерабъ.*

2. *Это его изображение. Ради моей праведности предъ нимъ (т. е. Сашромъ)*

3. *онъ далъ мнѣ доброе имя и продлилъ мои дни;*

4. *въ смертный день [мой] уста мои не были замкнуты, безмолвны ²⁾*

5. *и своими [собственными] глазами я видѣлъ ³⁾ дѣтей четвертаго поколѣнія (?). Они оплакали*

6. *меня, они же ⁴⁾ причиняли себѣ [на тѣль] уотъче [по мнѣ], а не положили со мною [ни одного] сосуда*

1) См. замѣчанія Клермонъ-Ганно в его статьѣ о иирабскихъ надписяхъ (во II т. *Études d'archéol. orient.*, p. 197). Замѣчательно, что въ нашихъ надписяхъ угрозы ограничиваются земною жизнью и не простираются на загробное существованіе въ преисподней, въ Шеолѣ, какъ это мы находимъ въ обихихъ сидонскихъ царскихъ надписяхъ.

2) Срв. въ сирійскомъ ܘܨܘܒܘܢܐ ܕܢܘܨܘܒܘܢܐ = taceat! (Payne-Smith, *Thesaur. Syriac.* s. v.) и переводъ библ. фразы Иезек. 33:22 ܘܢܘܨܘܒܘܢܐ ܕܢܘܨܘܒܘܢܐ «и открылись уста мои и я уже не былъ безмолвенъ» въ Пешиттѣ: ܘܢܘܨܘܒܘܢܐ ܕܢܘܨܘܒܘܢܐ. Предлогъ ܡܢ мы принимаемъ за такъ назыв. ܡܢ *negativum (privativum)*, какъ напр. въ евр. ܫܠוֹם מִפָּחַד Іов. 21.9 ܫܠוֹם מִבּוֹא Ис. 24.10 и т. п.

3) Или, можетъ быть, точнѣе, въ виду усиленной формы Pa'el: «я любовался дѣтьми четв. поколѣнія». Такое значеніе предлагаетъ принять уже Клермонъ-Ганно.

4) Такъ мы предаемъ мѣстоименіе ܠܘܘܡ, которое, конечно, поставлено не безъ цѣли, а для усиленія глг. формы, какъ это замѣчается напр. въ еврейскомъ (König, *Histor.-Comparat. Syntax d. hebr. Sprache* p. 7) и друг. семит. языкахъ.

7. серебрянаго и мѣднаго! Съ моимъ платьемъ [лишь] положили они меня съ тою цѣлью ¹⁾, чтобы [никтъмъ] другимъ не была похищена моя гробница. О ты, который сдѣлаешь насиліе

8. и ограбишь меня! да сдѣлаютъ злою кончину его [= такого чело-
вѣка] Садръ, Никкалъ и Нускъ и его потомство да погибнетъ!

VI.

Мы должны еще удѣлать вниманіе именамъ собственнымъ, встрѣчающимся въ надписяхъ. Имена жрецовъ прочтаны нами Назарбанъ и Агбаръ условно; на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ Н-з-р-б-нъ и ' - г - б - рь. Происхожденіе и значеніе ихъ не выяснено, но нѣтъ основанія отрицать ихъ семитическій характеръ. Весьма возможно напр., что мы имѣемъ дѣло съ чисто ассирійскими именами. По крайней мѣрѣ, имя Агбару (и Угбару) встрѣчается въ ассирійскихъ текстахъ ²⁾. Имя 𐎠𐎢𐎣, конечно, составное. Оно напоминаетъ такія ассиро-вавилонскія имена, какъ Мардук-зир-бани (= «Мардукъ создалъ потомство») и т. п. Поэтому, Гофманъ думаетъ, что и въ Н-з-р-б-нъ слѣдуетъ видѣть, можетъ быть, укороченное ассирійское имя Нанâ-зир-бани (= «Нанâ создала потомство»). Но если пускаться въ область конъектуръ, то скорѣе предположить въ нашемъ имени сокращеніе изъ Набу-зир-бани (= «Набу создалъ потомство»), безупречнаго ассиро-вавилонскаго имени, равнаго по значенію библ. 𐎠𐎢𐎣𐎠 = Набу-зир-иддина (= «Набу далъ потомство»). Во всякомъ случаѣ мнѣніе Клермонъ-Ганно, по которому послѣдняя часть слова содержитъ имя бога Биа, едва-ли можетъ быть въ настоящее время принято. Богъ Бипъ уже не существуетъ болѣе въ ассиро-вавилонскомъ пантеонѣ. Имена царей, въ которыя входило его имя, какъ Би-нирари, Шамши-бипъ и т. д., читаются теперь иначе ассириологами вслѣдствіе другого чтенія соответствующей идеограммы и упомянутые цари превратились теперь уже въ Рамма-нирари, Шамши-рамма и т. п. ³⁾.

1) Ясно бы было слѣдующій вольный переводъ 5—7 строкъ: «Они оплакивали меня и даже совершали [по мнѣ] ритуальное увѣче [на своемъ тѣлѣ], а не положили со мною никакой посуды, ни серебряной, ни мѣдной. Они [сдѣлали это, т. е.] положили меня [въ гробъ] съ однимъ лишь платьемъ съ тою цѣлью, чтобы [никто] другой не похитилъ моей гробницы».

2) См. указанія Гофмана въ статьѣ о нашихъ надписяхъ (Zeitschr. für Assyriol. 1897, p. 222).

3) Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что и чтенію *Рамманъ* для идеограммы, которая прежде читалась *Бипъ*, грозитъ дальнѣйшее превращеніе въ *Гададъ*, см. напр. Ed. Meyer, Glossen zu den Thontafelbriefen von Tell el Amarna въ Aegyptiaca (Festschrift für G. Ebers) p. 66.

Что касается именъ божествъ, упоминающихся въ надписяхъ, то боги שמש, נבל и נש несомнѣнно ассирійскаго происхожденія въ Нерабѣ. Это было сразу признано всѣми изслѣдователями надписей. Особенно важна была для отождествленія и опредѣленія божествъ надпись одного изъ послѣднихъ вавилонскихъ царей Набунаида, посвященная разсказу о возстановленіи царемъ разрушеннаго древняго храма бога луны, Сина, въ Харранѣ ¹⁾. Набунаидъ обращается здѣсь вслѣдъ за Синомъ къ «матери великихъ боговъ» богинѣ Нингалъ, къ «лучезарнымъ дѣтямъ Сина» Шамашу и Иштаръ, «къ высокому послу» Нуску и т. д. Ассиро-вавилонскаго Сина сопровождаютъ, какъ мы видимъ, въ надписи Набунаида боги Нингалъ, Шамашъ и Нуску, точно такъ же какъ на ирабскихъ плитахъ (во всей полнотѣ собственно только на первой) богъ Саһръ является въ сопровожденіи боговъ שמש, נבל и נש, и сомнѣваться въ тождественности обояхъ рядовъ именъ дѣйствительно нельзя. Первенство, конечно, принадлежитъ здѣсь ассиро-вавилонскимъ божествамъ ²⁾.

Но главное божество въ Нерабѣ, богъ луны Саһръ или Спһръ ³⁾ есть, безъ сомнѣнія, древнее національное божество арамейскихъ племенъ, пришедшее въ Сирію вмѣстѣ съ арамеями изъ Месопотаміи. Богъ луны въ Харранѣ, древнемъ центрѣ арамейской религіозной жизни и культуры, не менѣе, можетъ быть, старъ, какъ и богъ луны въ Урѣ Халдейскомъ, и арамейскій Саһръ вполне равноправенъ съ ассиро-вавилонскимъ Синомъ. Культъ луны въ Харранѣ восходитъ къ самымъ незапамятнымъ временамъ даже по ассиро-вавилонскимъ памятникамъ. Если напр. въ приведенной выше

1) На нее указываютъ и Клермонъ-Ганно́ (Étud. d'archéol. orient. II, pp. 217—218) и Гофманъ (I. c. pp. 258 ss.). Мы основываемся на переводѣ, помѣщенномъ въ Keilinschriftl. Bibliothek III, 2.

2) Объ этой связи нашихъ надписей съ ассиро-вавилонскою мифологіею особенно подробно распространятся въ своихъ статьяхъ Клермонъ-Ганно́ и Гофманъ, гдѣ можно найти разныя данныя (см. также статью Йенсена, Nikkal-Šarratъ въ Zeitschr. f. Assyriol. 1897, p. 293 ss). Галевн находитъ бога Нуску въ библ. נסוך (II Цар. 19, 37 = Ис. 37, 38), которому не было еще найдено эквивалента въ ассиро-вавилонскихъ текстахъ, и предлагаетъ читать соотвѣтственно этому נסוך вм. נסוך, см. Rev. Sémit. 1896, p. 188 ss. Онъ же первый указалъ на любопытный слѣдъ культа богини Нингалъ въ Харранѣ, сохранившейся въ извѣстномъ сирійскомъ памятникѣ «Ученіе Адая», гдѣ обличается культъ חבלי נחל «дочери Никкаль» въ Харранѣ и Эдессѣ, см. Rev. Sémit. I. c.; Clermont-Ganneau, Étud. d'archéol. orient. II, pp. 219 ss.; Hoffmann, Aram. Inschrift. aus Nêrab въ Zeitschr. f. Assyriol. 1897, p. 258.

3) Эдесскому שסין (= евр. שחר, сохранившемуся въ производномъ שחרנים. Ис. 3, 18; но срв. פחרъ въ Пѣсн. Пѣсн. 7, 3) и араб. شحر, соотвѣтствуютъ въ еврейско-арам. פחרה (Merx, Chrest. Targum. s. v.; Dalman I. c. p. 107) и въ мандейскомъ סירה. Не скрывается-ли древне-арамейское названіе луны и въ загадочномъ названіи божества אשירא въ большой надписи изъ Теймы = אשירא (съ ש) вм. שירה?

надписи Набунаида харранскій богъ луны называется, какъ мы видѣли, Синомъ, то въ этомъ надо видѣть, конечно, или извѣстное явленіе синкретизма, или же позднѣйшее преобладаніе ассиро-вавилонской культуры въ Харранѣ ¹⁾. Самъ харранцы, какъ арамейцы, едва-ли могли называть своего бога уже въ древнѣйшія времена иначе, какъ чисто-арамейскимъ обозначеніемъ луны, т. е. Салромъ или Сиромъ. Поэтому въ Харранѣ, исконномъ мѣстопребываніи арамейцевъ, Салръ, мы думаемъ, былъ безусловно древнѣе Сина ²⁾. Въ Сирію культъ луны проникъ, повидимому, прямо изъ Харрана. Это вытекаетъ изъ интереснаго рельефа, найденнаго въ Зенджирли, съ изображеніемъ Баррехаба, царя Сам'ала, и парящимъ въ воздухѣ возлѣ головы царя полнолуніемъ на серпѣ луны. Возлѣ полнолунія читаемъ надпись: «господинъ мой, владыка Харрана» ³⁾. Такой эпитетъ, конечно, относится на рельефѣ къ богу луны, такимъ образомъ происхожденіе культа луны въ Сиріи, напр. на сѣверѣ въ Сам'алѣ, изъ Месопотаміи и въ частности Харрана едва-ли можетъ быть серьезно оспариваемо. Замѣтимъ, что древне-арамейскій терминъ כמר, встрѣчающійся и въ ирабскихъ надписяхъ, сохранился по свидѣтельству арабскихъ писателей (см. D. Chwolsohn, d. Ssabier I p. 504 ss.; II pp. 197 ss. и 376) для обозначенія жрецовъ въ Харранѣ до самой мусульманской эпохи ⁴⁾.

1) Скорѣе послѣднее, такъ какъ названіе *Синъ* удержалось по словамъ арабскихъ писателей въ Харранѣ до весьма поздняго времени, см. D. Chwolsohn, Die Ssabier II p. 157 ss.

2) Винклеръ полагаетъ даже (Altoriental. Forschungen, Erste Reihe p. 84), что культъ Сина распространился изъ Харрана въ страны вавилонской культуры и что божество луны, которое почиталось въ Урѣ, не носило въ древнія времена имя Сина (p. 83: «der mondgott von Südbabylonien, der in Ur verehrt wurde und wahrscheinlich sumerischen Ursprungs war, heisst nämlich nicht Sin, sondern stets Nannar, daraus folgt, dass also der Sinskult hier nicht bekannt war»). Въ такомъ случаѣ и самое имя *Синъ*, можетъ быть, произошло этимологически изъ Сиръ чрезъ промежуточное Сиръ = манд. סיר. Исчезновеніе гортанной η изъ произношенія въ ассиро-вавилонскомъ не представляетъ ничего удивительнаго (срв. ассир. gimu = манд. גימא = сир. גימא «громъ» и мног. др. под.) и возможность такого производства уже давно допускалась, срв. Chwolsohn I. с. p. 158. Винклеръ, впрочемъ, повидимому, уже слишкомъ преувеличиваетъ культурное и политическое вліяніе Харрана и его взгляды въ этомъ случаѣ вызвали самые рѣшительные протесты (см. Th. Nöldeke, Harrân in Zeitschr. f. Assyriol. 1897, p. 107 ss. и рецензій Тиле (въ Zeitschr. für Assyriol. 1893) и Вильгена (въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. 1893) на Geschichte Babylo niens u. Assyriens Винклера.

3) См. E. Sachau, Baal-Harrân in einer Altaram. Inschrift etc. въ Sitzungsber. d. königlich preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin 1895, p. 120; срв. M. Lidzbarski, Handb. d. nordsem. Epigraphik II. Taf. XXIV 2.

4) См. Chwolsohn I. с. p. 376, гдѣ приводятся слова *فاعلى كوانهم سمي* Мас'уди *راس كمر* «und der Oberste ihrer Priester heisst Räs-Komor (Oberpriester)».

VII.

Къ какому времени относятся ирабскія плиты? За отсутствіемъ какихъ-либо указаній въ самихъ надписяхъ приходится основываться на палеографическихъ данныхъ. Обѣ надписи, какъ мы уже сказали, писаны архаическими финикійскими письменами, представляющими тотъ древнѣйшій періодъ въ исторіи развитія древне-семитическаго письма, когда всѣ семитическіе алфавиты представляли одинъ и тотъ же типъ и еще не успѣли дифференцироваться въ арамейскій, еврейскій, сидонскій и др. алфавиты. Для древне-арамейскихъ памятниковъ этотъ, какъ извѣстно, простирается до начала VI вѣка, когда окончательно водворяются раскрытыя головки въ буквахъ **𐤁 𐤂 𐤃** и **𐤄** и появляется отличный отъ древне-финикійскаго арамейскій алфавитъ ¹⁾. Въ ирабскихъ надписяхъ названныя буквы **𐤁 𐤂 𐤃** и **𐤄** имѣютъ безусловно древнюю форму и, слѣдовательно, можно сказать съ увѣренностью, что эти надписи написаны не позже конца VII вѣка до Р. Х. Клермонъ-Ганно относитъ ихъ на основаніи археологическихъ соображеній (главнымъ образомъ упоминанія божествъ) къ эпохѣ ново-вавилонскаго царства и даже прямо называетъ обонхъ жрецовъ современниками Набунаида, т. е. относитъ надписи къ VI вѣку ²⁾. Но едва-ли можно допустить въ VI в. употребленіе формъ буквъ **𐤁 𐤂 𐤃** и **𐤄** съ закрытыми головками. Самъ Клермонъ-Ганно ставитъ наши надписи въ палеографическомъ отношеніи раньше надписи изъ Теймы (Corp. Inscr. Semit. pars. II t. I № 113), гдѣ уже замѣчается слабый переходъ къ раскрытымъ сверху формамъ. Но послѣдняя, по археологическимъ соображеніямъ, почти всеми изслѣдователями причисляется къ ассирійской, никакъ не къ персидской эпохѣ ³⁾. Нечего и говорить, что ирабскія надписи въ палеографическомъ отношеніи ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены въ одинъ и тотъ же вѣкъ съ надписью изъ Теймы. Въ этомъ, мы увѣрены, согласятся съ нами всѣ сколько-нибудь занимавшіеся исторіей семитическаго письма при первомъ взглядѣ на форму буквъ въ обонхъ случаяхъ.

1) См. превосходный сжатый обзоръ исторіи древне-арамейскаго алфавита, представленный маркизомъ де-Вогюзъ въ введеніи ко II части Corpus Inscript. Semitic. (t. I pp. II—IV).

2) См. Étud. d'archéol. orient. II p. 222: «je suis frappé de voir que nos stèles mentionnent un groupe de quatre divinités qui jusq'ici ne se sont retrouvées ainsi associées, dans le même ordre et avec les mêmes noms, que dans l'inscription de Nabonide. Il y a là une coïncidence qui semble impliquer une certaine contemporanéité des formes rituelles и т. д.

3) Де-Вогюзъ говоритъ въ Corp. Inscript. Semit. pars II t. I p. 115 по этому поводу: «Anaglypta enim monumenta nostro affixa assyriam artem, non persicam, sapiunt et tempora indicant excidio assyrii imperii vicina. Stelam ergo sexto saeculo ante J. C. adscribendam putamus et priori potius quam posteriori hujus saeculi parti».

Terminus a quo для наших надписей можно также съ нѣкоторой вѣроятностью установить чрезъ сопоставленіе съ надписями Баррехаба изъ Зенджирли, современными ассирійскому царю Тиглат-пилесеру II (745—727). Нирабскія надписи, судя по округленной формѣ большинства буквъ и по нѣкоторымъ особенностямъ въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, напр. **ז** и особенно буквы **ד** во второй надписи (въ первой надписи эта буква имѣетъ еще древнюю форму), производятъ впечатлѣніе немного болѣе поздняго времени. Во всякомъ случаѣ наши надписи стоятъ по формѣ буквъ ближе къ зенджирлійскимъ надписямъ, чѣмъ къ упомянутой выше надписи изъ Теймы. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы приходимъ также къ VII вѣку до Р. X.

VIII.

Спрашивается, въ чемъ заключается существенная научная цѣнность новыхъ нирабскихъ находокъ. Несомнѣнно, что на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить ихъ археологическое значеніе. Какъ первые и, можно сказать, единственные памятники древней чисто-арамейской культуры, которая до сихъ поръ оставалась почти вовсе неизвѣстной, нирабскія плиты представляютъ безусловно глубокий интересъ. Но не меньшій интересъ представляютъ наши надписи и для лингвистовъ. По нашему мнѣнію, это самые древніе извѣстные документы, написанные на арамейскомъ языкѣ. Смѣшанный діалектъ болѣе древнихъ по времени зенджирлійскихъ надписей никоимъ образомъ не можетъ идти въ счетъ. Нарѣчіе, гдѣ **ררן** значитъ «убивать», **רן** въ перфектѣ (вм. **ררן**) «давать», **ררן** «брать», **ררן** «воздѣлывать (землю)», **ררן** «также» и т. п., не можетъ называться просто *арамейскимъ*, хотя-бы въ немъ и употреблялось слово **ררן** «сынъ» и столь характерная для арамейскихъ діалектовъ грамматическая особенность, какъ *status emphaticus*. Совершенно естественно, что лучшіе знатоки арамейской рѣчи (напр. проф. Нѣльдеке) вначалѣ колебались въ своемъ взглядѣ на зенджирлійское нарѣчіе ¹⁾. Но и признавая даже за *stat. emphat.* рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ, проф. Нѣльдеке напр. считаетъ не-арамейскій элементъ и особенно звуковыя явленія въ языкѣ зенджирлій-

1) Th. Nöldeke, Bemerkung. zu den aram. Inschrift. von Sendschirli вЪ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. 1893, p. 99: «die Sprache dieser Inschriften sieht höchst seltsam aus. Hebräische und aramäische Elemente scheinen hier bunt gemischt zu sein, und man fragt sich ernstlich: ist das hebräisch oder aramäisch? Wäre nicht noch eine dritte, kürzere Inschrift (рѣчь идетъ о строительной надписи Баррехаба, гдѣ встрѣчаются ясные примѣры *stat. emphatic.*), so wäre ich auch (т. е. какъ и Галеви) geneigt, hier ein unter aramäischem Einfluss stehendes Hebräisch anzunehmen».

скихъ надписей весьма существенными и готовъ, повидимому, допустить, что эти арамейцы первоначально говорили вовсе не на арамейскомъ, а на какомъ-либо другомъ, скорѣ всего еврейскомъ (или даже на ассирійскомъ) языкѣ ¹⁾. Какъ бы то ни было, никакъ нельзя категорически утверждать, что «цари Сам'ала и Га'ди въ сѣверной Сиріи говорили на арамейскомъ языкѣ» ²⁾. Называть зенджирійскій діалектъ арамейскимъ, по нашему мнѣнію, значитъ только вносить путаницу въ прочно установленную уже терминологию.

Находка чисто-арамейскихъ надписей приблизительно изъ VII в. и притомъ въ мѣстности значительно южнѣе Зенджирля, гдѣ мы въ VIII в. находимъ смѣшанное, ханаанско-арамейское, нарѣчіе, въ высшей степени важна, по нашему мнѣнію, и для мало-извѣстной вообще исторіи распространенія арамейской рѣчи. Почти всѣми признано теперь, и это въ высшей степени вѣроятно, что арамейцы не были автохтонами въ Сиріи и что первоначальная родина ихъ (въ томъ значеніи, конечно, въ какомъ принято въ наукѣ употреблять это выраженіе) лежала, насколько позволительно основываться на документальныхъ данныхъ, доставляемыхъ ассиріологіею, въ Месопотаміи. Извѣстно, напр. что ассирійскіе памятники знаютъ арамейцевъ подъ именемъ *Agutu*, *Agatu*, *Agimi*, только по ту сторону Евфрата, въ Месопотаміи ³⁾. Не менѣе вѣроятнымъ и даже въ настоящее время почти несомнѣннымъ признается положеніе, что съ древнѣйшихъ временъ во всей Сиріи и Палестинѣ, еще за долго до появленія арамейцевъ и евреевъ, жили ханаанскія племена и что господствующею и даже, можно сказать, единственною культурою являлась въ этихъ странахъ финикійско-ханаанская культура съ финикійско-ханаанскою рѣчью. Арамейцы дѣлали, конечно, издавна съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ вторженія въ Сирію. Они проникли при этомъ далеко на югъ до Дамаска и успѣвали даже часто создавать себѣ небольшіе, но сильные политическіе центры. Но всѣ эти арамейскія государства оставались лишь небольшими арамейскими оазисами на общемъ ханаанскомъ фонѣ. Такіе, если можно такъ выразиться, островки были, конечно, и упоминаемая изъ эпохи Давида въ ветхозавѣтныхъ кни-

1) См. l. c. p. 101: «Ob hier fremder Einfluss wirksam war, ob diese Aramäer vielleicht ursprünglich hebräisch (oder assyrisch?) gesprochen hatten, das sind Fragen, die wenigstens jetzt kaum noch discutiert werden können. Vermuthungen sind billig».

2) P. Jensen, Hittiter und Armenier, p. 201. Точнѣе выражается другой ассиріологъ Ф. Хоммель въ своемъ трудѣ d. Altisrael. Überlieferung etc., p. 214 («dort macht . . . das aramäische dem kanaanäischen den Platz streitig»).

3) Это было установлено впервые Фридр. Деличемъ въ соч. Wo lag das Paradies, p. 257 ss.; см. F. Hommel, d. semit. Völker, p. 186; C. Tiele, Babylonisch-assyr. Gesch., p. 64.

гахъ (II Сам. гл. 8 и 10 = I Парал. гл. 18 и 19) государства Арамъ-Дамесекъ, Арамъ-Сѣба, Арамъ-Беть-Рехѣбъ и др.

Но чѣмъ отличались эти арамейцы, осѣвшие среди ханаанскихъ племенъ, отъ окружавшихъ ихъ хананеевъ? И отличались ли они вообще отъ послѣднихъ чѣмъ-либо, кромѣ національности? Продолжали-ли они напр. еще говорить на своемъ родномъ арамейскомъ языкѣ или же усвоили себѣ ханаанскіе діалекты? Мы очень сомнѣваемся, чтобы можно было доказать пзвѣстными пока документальными данными, что эти арамейскіе пришлецы сумѣли отстоять свой языкъ и устоять противъ сильнаго ассимилирующаго вліянія стоявшей уже на значительной высотѣ окружающей культуры. Кромѣ чисто теоретическихъ соображеній, мы считаемъ здѣсь имѣющимъ весьма существенное значеніе для рѣшенія вопроса тотъ замѣчательный фактъ, что упоминающіяся въ клинообразныхъ текстахъ имена арамейскихъ царьковъ, какъ въ Сиріи, такъ отчасти даже и въ самой Месопотаміи, имѣютъ вполне ханаанскій видъ и не содержатъ ничего рѣзко бросающагося въ глаза изъ особенностей арамейской рѣчи ¹⁾. Конечно, мы имѣли бы драгоценное прямое указаніе на большое распространеніе арамейской рѣчи въ сѣверной Палестинѣ и Сиріи въ VIII в. въ библ. рассказѣ II Цар. 18, 26 сл. (= Ис. 36, 11 сл.). Но установлена ли древность этого свидѣтельства и можно ли съ полною увѣренностью сказать, что приглашеніе еврейскими сановниками ассирійцевъ вести разговоръ по-арамейски не есть анахронизмъ, подобный напр. тому, который допускаетъ авторъ Книги Даніила (2, 4), гдѣ халдейскіе гадатели обращаются къ Навуходоносору по-арамейски (ארמית)? Но извѣстно, что вавилонская рѣчь еще въ персидскую эпоху жила въ Вавилоніи въ устахъ народа и что указы персидскихъ царей сопровождался въ виду этого обыкновенно еще переводомъ на ассиро-вавилонскій языкъ ²⁾.

Борьба между ханаанской и арамейской рѣчью, конечно, велась на всемъ пространствѣ, гдѣ успѣвали удержаться арамейцы. Какъ велась она, можно еще видѣть именно на удивительномъ, смѣшанномъ нарѣчій зенд-жврлійскихъ надписей, гдѣ ханаанскій элементъ значительно сильнѣе арамейскаго. Изъ этихъ надписей, конечно, можно сдѣлать заключеніе, что, если въ VIII в. на крайнемъ сѣверѣ Сиріи, почти по соседству съ очагомъ арамеизма въ Месопотаміи, арамейская рѣчь не могла осялеть финикійской и поддалась ассимилирующему вліянію послѣдней, то еще скорѣе могъ происходить такой процессъ поглощенія, или лучше растворенія, арамейскихъ

1) Последнее бросалось въ глаза уже многимъ ассириологамъ, см. E. Schrader, die Keilinschr. u. d. Alte Test. ² p. 110 Anm.

2) Срв. Ed. Meyer, Die Entstehung des Judenthums, p. 10 ss.

діалектовъ въ болѣе древнія времена и на югѣ (напр. въ Дамаскѣ) среди сплошнаго ханаанскаго населенія, въ гораздо большемъ разстояніи отъ родины.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣлось никакихъ документальныхъ памятниковъ, идущихъ отъ самихъ арамейцевъ, населявшихъ въ древнѣйшія времена Сирію. Ирабскія надписи въ сопоставленіи съ зенджирлійскими даютъ впервые твердую точку опоры для рѣшенія вопроса, когда приблизительно арамейская рѣчь прочно и окончательно утвердилась въ своемъ чистомъ видѣ въ Сиріи. Не арамейскія надписи изъ Теймы должны теперь считаться первыми по времени памятниками чистой арамейской рѣчи ¹⁾, а ирабскія. Безъ сомнѣнія, ко времени ирабскихъ надписей арамейцы составляли уже сплоченную массу въ Сиріи и благодаря этому могли отстоять, напр. въ Нерабѣ, въ чистотѣ свой національный языкъ и свою культуру, могли, однимъ словомъ, остаться во всѣхъ отношеніяхъ арамейцами. Очень возможно далѣе, что усиленное, массовое передвиженіе арамейскихъ племенъ изъ-за Евфрата въ Сирію стоитъ въ тѣсной связи съ паденіемъ въ VIII вѣкѣ могущественныхъ (такъ называемыхъ хеттейскихъ, не-семитическихъ) царствъ въ Хаматѣ и Каркемишѣ и т. д.

Мы прекрасно сознаемъ, что имѣющіеся эпиграфическіе и другіе матеріалы еще сравнительно ничтожны, чтобы придти къ какимъ-либо безусловно твердымъ результатамъ, и вопліѣ согласны со справедливымъ замѣчаніемъ проф. Нельдеке (въ *Zeitschr. d. D. Morg. Gesellsch.* 1893, p. 105), относящимся, собственно, къ зенджирлійскимъ древностямъ и надписямъ: «wir stehn hier noch ganz im Anfang der Erkenntniss». Но мы полагаемъ, что напр. глубокое различіе въ языкѣ между зенджирлійскими и ирабскими надписями, бросающееся въ глаза каждому семитологу-лингвисту, уже теперь можетъ дать нѣкоторую опору для сужденій, и въ предшествующихъ строкахъ хотѣли главнымъ образомъ къ этому недостаточно оцѣненному факту привлечь вниманіе всѣхъ историковъ древняго Востока.

Какъ бы то нибыло, благодаря ирабскимъ надписямъ мы *документально* знаемъ, что приближ. въ VII вѣкѣ и, можетъ быть, даже въ концѣ VIII в. въ Сиріи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ господствовала арамейская культура и на ея памятникахъ уже примѣнялась арамейская, а не ханаанско-арамейская рѣчь.

Сопоставленіе эпиграфическихъ находокъ послѣднихъ лѣтъ даетъ возможность ясно прослѣдить всѣ три послѣдовательныя стадіи въ развитіи древней культуры въ Сиріи. Полное господство ханаанскаго элемента намъ

1) См. F. Hommel, d. Altisraelit. Überlief. etc., p. 214.

рисуетъ финикійская надпись изъ Хасанъ-Бейлы (въ сѣверной Сириі недалеко отъ Зенджирли), насколько эта надпись, сильно пострадавшая отъ времени, поддается вообще чтенію ¹⁾. Это единственная финикійская надпись, найденная такъ далеко на сѣверѣ. Она писана тѣмъ-же архаическимъ финикійскимъ письмомъ, какъ напр. и извѣстные обломки сосудовъ изъ храма Ваала на Ливанѣ, такимъ образомъ не можетъ быть очень поздняго времени. Такъ какъ всѣ, занимавшіеся этой надписью (Клермонъ-Ганно, Захау, Винклеръ), прочитали слово **לנב**, то слѣдовательно финикійскій характеръ языка не подлежитъ сомнѣнію. Въ стадію борьбы ханаанскаго элемента съ арамейскимъ насъ вводятъ надписи изъ Зенджирли. Здѣсь характерна даже та деталь, что въ наиболѣе древней изъ нихъ надписи Панаammu на статуѣ Гадада употреблено только ханаанское мѣстоим. **אני**, но въ болѣе позднихъ надписяхъ Баррехаба появляется на ряду съ **אני** въ одной, чисто-арамейское **אני** въ другой. Наконецъ, въ нирабскихъ надписяхъ мы видимъ полное почти отсутствіе ханаанизмовъ и окончательное торжество арамеизма.

Добавленіе.

Исслѣдованіе на мѣстѣ оригиналовъ нирабскихъ плитъ въ Луврскомъ музеѣ, которое мы имѣли возможность сдѣлать въ теченіе настоящаго лѣта, но уже, когда наша настоящая статья была набрана, заставляетъ насъ взять назадъ предложенное нами на стр. 156 чтеніе **מרתה** для I-ой надписи и признать вѣрность чтенія Клермонъ-Ганно. На подлинной плитѣ за буквами **מרת** ясно видна буква **ל**, вырѣзанная на боковой сторонѣ рамки, окружающей рельефное изображеніе, и потому невышедшая на фототипію. За **ל** идетъ буква, весьма похожая на небольшое **п** (въ крайнемъ случаѣ на **ш** и даже **צ**), и наконецъ ясное **ה**. Чтеніе Гофмана **לרת** (или **לרת**), поэтому, абсолютно невозможно. Мы констатируемъ лишь фактъ, но не въ состояніи пока дать удовлетворительнаго объясненія для загадочнаго чтенія **לרת** (или **לשה**, **לצה**??). Замѣтимъ, впрочемъ, что чтеніе **מרת לצה** = «смертью кощуна» (гдѣ **לצה** = евр. **לצי**) могло бы превосходно подойти къ контексту.

¹⁾ См. Clermont-Ganneau, L'inscription phénicienne de Hassan Beyli въ *Étud. d'archéol. orient.* II, pp. 77—82; H. Winckler, *Altorient. Forschung*, Erste Reihe, pp. 305—309.

